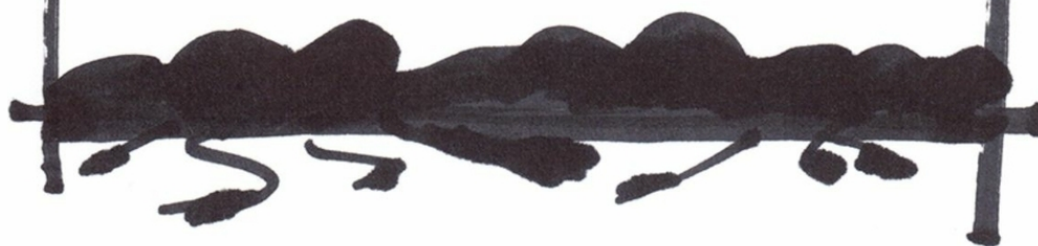

Олег Батухтин

ДЕНЬ,
когда
умерли
все
ЛЬВЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Олег Батухтин

День, когда умерли все львы

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Батухтин О. В.

День, когда умерли все львы / О. В. Батухтин — «ЛитРес:
Самиздат», 2016

«День, когда умерли все львы» – детективная история, главные персонажи которой деревенские жители маленького башкирского села. Героям книги предстоит провести неофициальное расследование серии загадочных самоубийств, корнем которых является деятельность местной секты фанатиков. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая. С девяти до пяти.	6
Пролог. Злые берега	7
Глава 1. Король Рвана Жопа	8
Глава 2. Гражданин Галактики	16
Глава 3. Медуза	22
Глава 4. Добрый сказочник	29
Глава 5. Бог из машины	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Батухтин Олег

День, когда умерли все львы

Часть первая. С девяти до пяти.

Пролог. Злые берега

Эта дата навсегда останется в истории, как День, когда умерли все львы. А в моей памяти этот важный исторический момент запомнится всего лишь тем, что я впервые нанюхался токсичного клея.

Часы показывали девять утра, когда Мансур передал мне тюбик клея. Я немного подержал его в руках, исследуя вмятинки на его боках. Тюбик резал глаза своим желто-черным окрасом и старался выскользнуть из моих потных рук. Я с трудом провернул пластиковый колпачок и выдавил длинную зеленоватую соплю в полиэтиленовый пакет. Надпись «Момент» скрылась среди морщин тонкого алюминия. Прижав пакеты к лицам, мы сделали по тридцать глубоких вдохов.

– Ты как? – спросил Мансур, выдыхая токсичные пары.

Я пожал плечами. Мы сидели на огромной тракторной покрывке, что лежала на обочине центральной улицы с незапамятных времен. Отсюда открывался вид на наше родное село.

Мы оба сильно нервничали, пытались говорить о какой-нибудь ерунде, но быстро раздражались и умолкали, с нетерпением ожидая прихода. Мы оба ни хрена не знали, чего ожидать. До этого мы причащались исключительно самогоном, но, настал момент, когда огненной воды оказалось недостаточно для путешествий по волшебным мирам, отличным от жизни нашего села Нижний Басрак. Перед тем как вдохнуть волнующие испарения я попытался угадать – куда мы попадем? Есть ли в том, другом мире демоны? Вернемся ли мы оттуда невредимыми? Будем ли мы прежними, когда вернемся?

– Азат, ты как? – повторил свой вопрос Мансур.

И тут ледяная волна окатила меня, и я онемел... Я не мог ответить своему другу, а эмоции рвались наружу. Я потрогал лицо. Моя кожа была холодной, но невероятно чувствительной. «Ты как?». Я был парализован, и мне стоило большого труда кивнуть в ответ. Наш кораблик зашел в совершенно незнакомую, покрытую зеленым туманом, гавань. Нам ничего не оставалось, кроме как причалить к новым злым берегам. Бросив взгляд на Мансура, я увидел в его глазах абсолютное понимание.

– Бля... – прошептал я.

– Ага, – сказал Мансур.

Осоловело озираясь мы увидели стремительно бегущего к нам человека. Вскоре перед нашим мутным взором предстала фигура местного пастуха по имени Вася Муравкин. Он притормозил, упер руки в колени и тяжело отдышался. Было похоже, что он пробежал целый марафон. На его рябом красном лице выступили капельки пота, которые уже начали собираться в маленькие ручейки, текущие между редкими щетинками плешивой бороденки.

– Пацаны, – сказал Муравкин, едва отдышавшись, – Король Рвана Жопа умер...

Пока я и Мансур пытались осмыслить полученную информацию, Вася Муравкин уже побежал дальше.

После этого наша жизнь и жизнь башкирского села Нижний Басрак кардинально поменялась.

Глава 1. Король Рвана Жопа

Король Рвана Жопа был достаточно известной, но, в силу определенных причин, не самой уважаемой личностью в Нижнем Басраке. Он пользовался сомнительной популярностью лишь у определенного круга жителей села. Во-первых, у Короля Рваны Жопы всегда можно было купить пару литров убийственного первача, а во-вторых, он был единственным басрачанином, который отсидел в тюрьме. Этот факт из его биографии добавлял Королю некоего шарма с примесью одиозности.

История с тюремным сроком заслуживает того, чтобы на ней остановиться немного подробнее. Началось всё с грандиозного празднования совершеннолетия Короля, в то время сельчане знали его по классическому имени Ильшат. К сожалению, я был слишком юн, чтобы присутствовать на таком важном событии, но историю родного села я знаю на «пятерку». Очевидцы говорят, что Ильшат выпил за своё здоровье порядка трех литров вонючего самогона, который подействовал на его психическое состояние крайне разрушительным образом. Влив в себя очередной стакан, юный Ильшат бросился на деда Игната, пытаясь зубами разорвать стариковское горло. Когда же его попытались оттащить от несчастного деда, Король подхватил со стола мясницкий нож и устроил настоящее побоище на своем празднике. И хотя обошлось без смертей, наши старожилы до сих пор с гордостью показывают шрамы с «того самого праздника». Ударом бутылкой по голове Ильшата вовремя урезонил местный участковый, который, на счастье басрачан, также присутствовал на торжественном мероприятии в качестве почетного гостя.

Протрезвел Ильшат уже в обезьяннике нашего райцентра. Событие оказалось достаточно резонансным, в местных газетах его даже окрестили «резней в Басраке», и наш именинник достаточно быстро отправился в колонию строго режима по 121-ой статье на восемь долгих лет. К моменту освобождения Ильшата сельчане уже успели привыкнуть, к тому, что их земляк «продавливает шконку на зоне», и в силу скоротечности времени, возвращение знаменитого зека стало для многих полной неожиданностью.

Сразу по возвращении Ильшат всем объявил, что он официально признан вором и что его, так сказать, «короновали». В подтверждение своих слов новоявленный вор предъявил сомнительную татуировку на поясице. Заявление Ильшата было принято с общим одобрением, а именовать его стали не иначе как Королем. В принципе, уважительное отношение к Королю сохранилось бы до конца его жизни, если бы, совершенно случайным образом, к нам в деревню не заехал дальний родственник Васи Муравкина и, по совместительству, сокамерник Короля. Гость, заметив Ильшата, сразу же рассказал подлинную историю нашего сидевшего земляка. Оказалось, что сразу по прибытию в место заключения, новоявленного арестанта сразу отправили «в шерсть», то есть к «петухам», а всё потому, что Ильшат в первую очередь всем сообщил, что «он является гомосексуалистом и даже очень этим гордится, между прочим». Бить его не били после этого заявления, как он и надеялся, но ничего хорошего всё же не вышло не вышло. Когда эта небезынтересная история стала общим достоянием села Нижний Басрак, к прозвищу Король добавили ещё два слова – Рвана Жопа. Басрачане свели все контакты с Ильшатам до минимума, а герою нашей истории ничего не оставалось, кроме как начать варить самогон, так как на работу устроиться он просто не смог.

Так жизнь и текла в своем простом деревенском ритме. Король продавал первач, а мы с Мансуром его жадно пили. Так бы продолжалось и дальше. Если бы не одно, но... Король Рвана Жопа умер.

Посмотреть на почившего собралось очень много зевак. Двор Короля Рваны Жопы давно не видел такого количества людей. Здесь был и нервный Вася Муравкин, и супружеская

пара Зубайдуллиных с выводком из четырех синхронно ковыряющих в носу детей, и чахоточный тракторист Фима, и, конечно же, командующий всем паноптикумом, наш участковый Фанис Филаретович, много лет назад саданувший виновника сегодняшнего события бутылкой. Мансур ткнул меня локтем, кивком головы указывая в сторону скромного жилища покойного, которое в народе именовалось не иначе как королевский дворец. По скрипящему крыльцу из дома вышел самый уважаемый в нашем селе человек – глава сельского поселения Варнава Фомич Пуздой.

Вращая поросячьими глазками, хмуря густые брови Варнава Фомич волевым жестом почесал огромный живот и остановил свой взор над участком.

– Что вообще произошло, где труп? – коротко спросил Варнава Фомич.

– Висит в сортире, – отрапортовал Фанис Филаретович, указав рукой в сторону покосившегося деревянного строения. – Обнаружил Василий Муравкин. Со слов нашего пастуха я понял, что он пришел прикупить самогона, а пока кричал Короля, сильнейшим образом захотел облегчить кишечник, – Муравкин судорожно закивал, видимо, пастух так и не успел сделать то, о чём мечтал, – а открыв туалет обнаружил, что наш Король повесился.

– Или повесили его! – выкрикнул Вася Муравкин, известный своей страстью к скандалам, интригам и расследованиям. Собравшийся народ взволновано загомонил.

– Сохраняйте спокойствие, – ответил участковый. Судя по выражению лица Фанис Филаретович не один вечер посвятил репетиции этой фразы.

Последовать совету сохранять спокойствие не получилось ни у кого, больно уж всем хотелось посмотреть на свежий труп Короля. Молчаливо, словно адепты какого-то странного культа, жители села побрели в сторону классического деревянного туалета. Попытки участкового противиться всеобщему любопытству быстро сошли на нет, после того как Варнава Фомич хозяйским движением распахнул сортирную дверь и явил свету последнее королевское пристанище.

Нельзя сказать, что король умер на троне. Во-первых, его королевское величество находилось в подвешенном, не подобающем августейшей особе, состоянии. А во-вторых, трона-то и не было – в королевском сортире роль сиделища играла огромная дыра в полу, из которой уже начинала торчать небольшая горка человеческих фекалий – туалету срочно требовалась новая яма.

– Э, смердит тут, – пожаловался один из детей семьи Зубайдуллиных. Возбужденный ребенок ковырял в носу уже двумя руками.

– Искандерка, *кит але!*¹ – сказала дородная мамаша, отпихивая детей в сторону, для того чтобы участковый мог протиснуться.

– Малец-то прав, – пробормотал Варнава Фомич. Глава сельского поселения всегда брал всё свои руки. Вот и сейчас, пошарив толстыми руками на сортирной полке, Варнава Фомич выудил из стопки аккуратно нарезанных газет народный освежитель воздуха – спичечный коробок. Запалив весь коробок, он поводит рукой по туалетному пространству, едва не запалив при этом королевскую рубашку.

– Варнава Фомич, вдруг это место преступления, – укоризненно покачал головой участковый, выгнать из туалета главу поселения Фанис Филаретович побаивался.

Варнава Фомич изучающим взглядом окинул благородный труп. Король Рвана Жопа покачивался на короткой веревке, носки его ступней, обутых в стоптанные калоши, едва не задевали пол. Серая рубаха выскочила из штанов и неаккуратно колыхалась на летнем ветерке. На посиневшем лице покойного застыла мучительная маска боли и ужаса. Боковым зрением я заметил, как поежился Мансур, который всегда славился невозмутимым характером. Лично меня больше всего впечатлили высунувшийся изо рта синий язык и белесые матовые глаза.

¹ *Кит але!* – иди-ка! (башк.)

– Да сам повесился, – проворчал глава сельского поселения, – кому он нужен.

Участковый уже собрался смиренно покивать головой, как в разговор вклинился Вася Муравкин:

– Смотрите, там записка!

Со сверкающими от возбуждения глазами Вася Муравкин показал куда-то в сторону выгребного отверстия. И да, действительно, на горке экскрементов лежал белый листочек.

– Фанис, посмотри, что там, – распорядился Варнава Фомич.

– Да жопу свою рваную он этим подтирал, товарищ босс, – запротестовал участковый, – не буду я в говне копаться!

Участковый бросил умоляющий взгляд на главу поселения, но естественно, не встретил там никакой поддержки. Всем своим видом Варнава Фомич Пуздой говорил: иди и принеси! Несчастный Фанис Филаретович напоследок недобро поглядел на Васю Муравкина и наклонился над дыркой в полу. После недолгих колебаний участковый выудил на свет божий запачканный экскрементами обрывок газеты.

– Я же говорил, это просто подтирка, – сказал участковый, – там на полке целая куча таких, а с тобой, Василий, я ещё разберусь, Ватсон ебучий.

– Дай сюда, – крикнул Вася Муравкин и выхватил газетку из рук участкового, – это что-то да значит, это надо изучить!

– Голову твою надо изучить, – сказал участковый.

Вася Муравкин без всякой брезгливости повертел газетку в руках. Его пытливый взгляд изучал важную королевскую улику.

– Я же говорил, что это важно, – победно сказал пастух, – с одной стороны реклама и гороскоп, а на другой стороне весьма странный стих! Смотрите!

Мы осторожно, чтобы ненароком не тронуть испачканный газетный листок, обступили Васю Муравкина и жадно вчитались в текст. Интерес проявил даже глава сельского поселения. Среди комочков дерьма проглядывало стихотворение действительно странного содержания:

*...И вспомните: и вы, заразу источая,
Вы трупом ляжете гнилым,
Вы, солнце глаз моих, звезда моя живая,
Вы, лучезарный серафим.
И вас, красавица, и вас коснется тленье,
И вы сгниете до костей,
Одетая в цветы под скорбные моления,
Добыча гробовых костей.
Скажите вы червям, когда начнут, целуя,
Вас пожирать во тьме сырой,
Что тленной красоты – навеки сберегу я
И форму, и бессмертный строй...²*

На некоторое время нас окутало тревожное молчание. Вася Муравкин поселил в наши деревенские сердца настоящую загадку. В реальный мир нас вернул рациональный Варнава Фомич.

– Ерунда всё это, – будничным тоном заметил глава сельского поселения, не обращая внимания на оскорбленного этим замечанием Васю Муравкина, – прав был Фанис, жопу Король этим подтирал.

² «Падалъ», Шарль Бодлер, 1857 г., пер. Вильгельм Левик

Семья Зубайдуллиных одобрительно закивала, с презрением поглядывая на Васю Муравкина. Несмотря на то, что супруги внимательно разглядывали вместе со всеми обрывок газеты, никто из них не умел читать, не говоря уже об их детях, которые, как я подозреваю, страдали легкой формой слабоумия.

Вася Муравкин, не обращая внимание на общее порицание, аккуратно сложил «улику» пополам и с любовью положил её во внутренний карман.

– Я это изучу! – гордо бросил он, после чего развернулся и пошел прочь с королевского двора. Его голос, его походку, его сопение можно было охарактеризовать одним словом – *обида!* Это слово невидимой дымкой повисло над нашим пастухом.

– Что делать, Варнава Фомич? – спросил участковый.

– Снимай его и организуй транспортировку в больницу, – ответил глава, – пусть Агафья Петровна его посмотрит.

– Хоронить, кто будет? – поинтересовался я. – Родни-то у него нет совсем.

– За счет сельсовета, наверное, твоё какое дело? – огрызнулся Варнава Фомич. Его лоб пробороzdило несколько тяжелых морщин, что означало, что глава поселения находится в глубоком раздумье. Судя по всему, Варнава Фомич уже прикидывал, сколько из выделенных сельсоветом денег на похороны он положит себе в карман, и что он сможет позволить себе на них купить, – помогите лучше Фанису.

На этой ноте Варнава Фомич оставил нас наедине с покойником, решив, видимо, что его ждут другие более важные и неотложные дела. В след за ним, с видимым безразличием, королевские владения покинул чахоточный тракторист Фима.

– Нам тоже пора, – сказали в один голос супруги Зубайдуллины, и, подгоняя подзатыльниками свою детвору, поспешили прочь с королевского двора. Дети, не переставая ковырять в носах, и бросая прощальные взгляды на висящего Короля, молча подчинились родительской воле.

– Вот же хитрые жопы! – сказал им вслед Фанис Филаретович. – Ну что, ребзя, снимем Короля?

– Охотно, – сказал Мансур. Он даже и не пытался скрыть своего возбуждения. Паренек понимал, что жизнь дала нам шанс испытать приключение отличное от всего что происходило с нами раньше. По большому счету, ни он ни я, ни разу не покидали родное село за всю жизнь.

Критически осмотрев туалет Фанис Филаретович приоткрыл дверцу и поманил нас рукой. По его лицу было понятно, что участковый запланировал возложить ответственность за основную работу на меня и Мансура. Как выяснилось, это задание оказалось не под силу двоим подросткам. Неимоверных усилий стоило нам извлечь труп из цепкой скорлупы деревенского сортира. Августейшая особа оказалась действительно королевское сопротивление. Казалось, что тщедушный Король Рвана Жопа вместе с вечным покоем обрел поистине царский вес. И только благодаря командной работе нам удалось извлечь мертвеца на свет божий. Проклиная покойного участковый устало опустился на траву. Сев рядом с ним, я устало достал пачку сигарет «Балканская звезда» и вытащил две сигаретки: одну себе, другую Фанису Филаретовичу. Участковый благодарно кивнул.

Какое-то время мы молча курили, наблюдая за Мансуром, который, истерично матерясь, пытался очистить штанину от фекалий свежими лопухами. Только он мог в ответственный момент снятия трупа с веревки наступить ногой в парашу и чуть не сдернуть с покойника штаны, пытаясь поймать равновесие на скользком полу сортира. И виноваты в таком поведении моего друга совсем не токсичные пары зеленого клея, он просто всегда такой.

– Жалко Короля, – сказал Мансур, закончив гигиенические процедуры, – ты ведь, Фанис Филаретович, его всю жизнь знал. Присматривал за ним. В прошлый раз его от греха уберег, а в этот раз не доглядел. Что его в петлю потянуло?

Участковый пожал плечами и отвернулся, всем своим видом показывая, что разговаривать на эту тему он не собирается. Мансур посмотрел на меня в надежде на то, что я поддержу его непринужденную болтовню. Я не стал озвучивать свои мысли, что живи я такой «королевской» жизнью – повесился бы уже давно. Я глядел на своего друга и уже видел, как всю оставшуюся жизнь он будет рассказывать эту историю, которая всегда будет обрастать всё новыми и новыми подробностями.

Мансур Хазырбаев был человеком довольно странным. Этот индивид был уникальным представителем гибрида откровенной тупости и фантастической хитрости. Родившись в неблагополучной и многодетной семье, он проявлял чудеса смекалки, дабы избежать любой физической нагрузки и повысить уровень комфорта своего существования. А условия жизни в огромной семье Хазырбаевых были просто ужасными: целая толпа бомжеватого вида людей ютилась в маленькой хибаре, похожей на старую голубятню. Мансур всегда каким-то образом умудрялся избегать и любой работы, и всяческих наказаний за невыполнения оной. Ярким примером мансуровской хитрости служит случай, когда тринадцатилетний Мансур развалил брак своей старшей сестры Зульфийи, с целью завладеть более удобным спальным местом. После свадьбы сестры нашему герою приходилось спать на холодном полу, прикрытом тонким матрасом. Такие условия, само собой, не оказали позитивного влияния на характер Мансура, и после трех лет мучений и отчаянных попыток устроить разлад в новой ячейке общества, моему другу наконец-таки удалось решить проблему. Хитрый план был достаточно прост: Мансур всего-то лишь научил своего трехгодовалого племянника фразе: «дядя Васген приходил». Естественно, Вова – муж Зульфийи, услышав от своего первенца мрачные слова «дядя Васген приходил», преисполненный праведным гневом, направился в соседнее село Верхний Басрак, где жил единственный в округе человек с подходящим именем. Ревнивый муж набросился с кулаками на ничего не подозревающего грузина, но получил жесткий отпор в виде порции щедрых пиздюлей, которые сопровождались вполне резонными замечаниями: дескать «в вашей халупе, дорогой, и присесть нэгде, гдэ там сэкс дэлать». Не вняв гласу рассудка, оскорбленный и избитый Вова собрал свои вещи и покинул старую халупу, которая успела ему уже порядком надоесть. Позже Вова устроился работать на Север и, говорят, вполне себе неплохо зажил. Также, как и Мансур, который тут же занял кровать, освободившуюся от бывшего зятя. В тоже время недалекость моего друга просто поражала воображение. Сказать, что он глуп как посох, это ничего не сказать. Если бы наше село подверглось нападению зомби, которых иногда показывают по телевизору, Мансур оказался бы единственным выжившим, так как, насколько я знаю, каждому уважающему себя зомби, в первую очередь, нужны мозги.

– Ну что, как дальше его? – спросил Мансур. – До больницы его ведь как-то доставить надо.

– На моей повезем, – ответил участковый и со вздохом поднялся на ноги, – сейчас подгоню.

Фанис Филаретович щелчком отправил окурок в сторону туалета и вышел со двора. Через некоторое время послышался характерный скрежет стартера, который так и не закончился заводом двигателя. Участковый неразборчиво выругался и продолжил попытки завести машину. Мансур настороженно посмотрел в сторону шума и с заговорщицким видом достал из кармана тубик «Момент» да пару пластиковых пакетов. Мы сделали по сорок вдохов и убрали пакеты. Фанис Филаретович всё ещё пытался завести свой «Москвич», только скрежет стартера слышался уже будто издалека.

Осоловело вращая глазами, я попытался сфокусироваться на своем друге. Но увидел совершенно другое...

Я увидел Серого Владыку.

– Оставьте меня одного, – сказал Серый Владыка. Он поджал обветренные губы и отвернулся, – просто оставьте меня одного. Я устал слышать. Устал видеть. Устал гово-

рять. Устал думать. Я хочу уснуть и не видеть никаких снов. Не чувствовать никаких запахов, хочу лишиться всяческих эмоций.

– Но ведь это смерть, – сказал Мыслитель.

– Нет, – возразил Серый Владыка, – смерть – это просто ещё один шаг. А я не хочу никуда двигаться.

Почесав затылок Мыслитель обнаружил у себя на пальцах клоч седых волос. Он стряхнул волосы и их тут же унес ветер. Они покатались по сухой земле словно перекасти-поле. Он привык к царящей вокруг энтропии. У него выпали все зубы, а кожа рассохлась и стала похожа на старый пергамент. При малейшем прикосновении кожа рвалась и обвисала тонкими лоскутками. Глаза давно высохли и провалились в череп. Но Мыслитель не испытывал ни малейшего сожаления из-за утраты зрения. Ведь он мог размышлять, а для этого он и был создан.

– Серый Владыка, – Мыслитель решил предпринять, ещё одну попытку докричаться до этого загадочного существа, – скажи, что есть то место, где мы живем.

– Оставьте меня одного, – сказал Серый Владыка, – в этом месте, где гниют львы. – Он отвернулся, уставился в какую-то неведомую точку в пространстве и застыл, как статуя. От него больше ничего невозможно было добиться.

Мыслитель хотел было спросить о своей потерянной короне, но его внимание отвлек Головаст, появившийся на поляне...

Меня вернули в реальность страшные звуки автомобильных выхлопов. Участковый наконец – таки справился со строптивым автомобилем. Я ошарашено огляделся и увидел Мансура, который неподвижно сидел на траве и стеклянным взором буравил пространство. Я пнул друга, чтобы привести его в чувства.

– Бля... – прошептал Мансур, вернувшись в наш мир. Он посмотрел на меня, явно желая поделиться своим последним опытом, но этому помешал Фанис Филаретович, который деловито подогнал к нам свой древний «Москвич-412» ржаво-красного цвета.

– Потом поговорим. – ответил я Мансуру, поднимаясь с земли. – Фанис Филаретович, в багажник Короля?

– На переднее сидение сажай, – ответил участковый, – где твоё уважение к почившим?

– Да ему-то какая разница? Он умер в сортире!

– Азат, сажай, говорю, – настоял участковый, – и не забудь пристегнуть ремнем, чтобы он ненароком не упал на меня. Когда уже Варнава Фомич выпишет на село карету скорой помощи?

С помощью Мансура я усадил Короля на старое потрескавшееся автомобильное сидение и защелкнул ремень безопасности. Покойник мирно уронил голову на грудь.

Мы расселись по местам: я и Мансур расположились на заднем сидении, а участковый – на водительском. После минутного манипулирования рычагом переключения коробки передач, сопровождающегося оглушительным треском, машина тронулась, выстреливая облака черного дыма в чистый сельский воздух.

Внутреннее убранство машины давно утратило лоск былой роскоши. Потрескавшиеся дерматиновые сидения были прикрыты старыми киргизскими ковриками. Ручек, отвечающих за открытие окон, давно уже не было на месте. Украшением служила лишь огромная рыбина из капельницы, висящая на мутном зеркале заднего вида. В автомобиле пахло отсыревшим пальто. Интерьер машины, которая всем своим видом иллюстрировала теорию упадка сельских поселений, удачно дополнял труп Короля Рваны Жопы. При каждой кочке покойник весело подпрыгивал и стучался лбом о лобовое стекло.

– УАЗ хочу взять, – отметил Фанис Филаретович. Было видно, что он стесняется этой старой машины, на которой ездил ещё его отец. Участковый погладил руль и добавил, – но эту ласточку всё равно оставлю себе. Подшаманю немного...

– Я бы «Волгу», взял, – ответил Мансур.

Это заявление я не стал комментировать, так как прекрасно понимал, что ни мечте участкового, ни мечте Мансура не суждено сбыться. Мы давно свыклись, что живем в месте похожем на чистилище. Ничего хорошего здесь никогда не происходит. Я молча стал смотреть в окно на проносившийся мимо Нижний Басрак. Центральная улица была как обычно пустынна. Атмосферу умершего поселения немного разбавляли старухи, сидящие на скамейках возле своих домов. Почтенные женщины, на всякий случай, неодобрительно смотрели вслед нашему «Москвичу», но я сомневался, что они вообще разглядели: *кто* проехал мимо них.

Иногда дорогу перебежали стайки детишек, словно радуясь летним каникулам. Я никогда не понимал детской эйфории, которая поглощает ребенка на всё лето, стоит учебному году закончиться. Наша единственная на всё село школа не славилась особой строгостью, и учеба в ней не создавала особого дискомфорта. Нам с Мансуром осталось отучиться всего год. Буквально через два месяца мы пойдем в одиннадцатый класс. А потом в армию. Подальше от этого богом забытого места.

Мы подъехали к нашей сельской больнице. Когда-то, ещё в царские времена, это был шикарный особняк, принадлежащий исторической личности, купцу Емельяну Воробьеву-Рукову. Во времена всеобщего раскулачивания купца привязали к лошади, протащили по главной улице Нижнего Басрака, а после того как из жилища несчастного вытащили всё ценное, было принято решение использовать здание как медицинское учреждение. Время совершенно не пощадило когда-то богатый дом. Его стены отсырели, крыша провисла, с правой стороны здания появился абсолютно безобразный хозяйственный пристрой, а на фасаде стала красоваться ассиметричная вывеска «БОЛЬНИЦА». Букву «Б» сорвал ветер около двух лет назад. Я утащил её домой за что попал под вечную немилость Агафьи Петровны, древней старухи – бессменного фельдшера, единственного медработника и фармацевта нашего села.

Об Агафье Петровне ходило множество разнообразных слухов. Говорили, что она ведьма, колдунья, и, даже, нимфоманка... Я как-то подслушал, как мама Мансура говорила соседке, что наша Агафья Петровна в девичестве возлегла на ложе из еловых веток с самим шурале³, тем самым купив себе несколько десятков лет жизни. Сколько старухе было лет – не знал никто, но сама Агафья Петровна утверждала, что ей сто двадцать или около того. Во всяком случае, она частенько предавалась воспоминаниям, о прежней жизни при купце Емельяне Воробьеве-Рукове. Еще, я с уверенностью могу сказать, что каждый басрачанин появился на свет не без помощи акушерских навыков Агафьи Петровны.

Дотащить Короля до импровизированного морга, роль которого играл сырой и темный больничный подвал, оказалось несложно. Мы втроем прекрасно сработались, действуя в команде, и понимали друг друга без слов. Водрузив покойника на каталку мы с облегчением вздохнули.

– Петровна! – закричал участковый, – мы в подвале! Привезли покойника! Петровна!

Крик Фаниса Филаретовича без остатка поглотили стены с отколовшимся кафелем, но, судя по скрипящим половицам, Агафья Петровна услышала зов и направилась к нам.

– ещё одного привезли? – скрипящим голосом спросила старуха, спускаясь в подвал.

– Что значит ещё одного? – удивился участковый.

Старуха махнула рукой в глубь подвала. И мы только сейчас заметили, что вторая каталка была также занята – на ней холмом возвышалась тело, накрытое грязным брезентом.

– Это ещё кто? – спросил я.

Старуха оглядела меня с головы до ног, решая, стоит ли отвечать, такой сомнительной личности как я. Не смотря на возраст, Агафья Петровна обладала феноменальной памятью и

³ Шурале – леший (башк.)

прекрасно помнила, что это я украл её букву с больничной вывески. Придя ко мнению, что я озвучил общий вопрос, старуха все-таки решила ответить:

– Гражданин Галактики... – ответила Агафья Петровна, – утром доставили.

Глава 2. Гражданин Галактики

Никто из сельчан не испытывал особой симпатии к Захару Тарасюку, известному в народе как Гражданин Галактики, но этот человек был своеобразным символом нашего села. Его вечное присутствие воспринималось примерно так же, как наличие некрасивого герба Нижнего Басрака. Гражданин Галактики был таким же вечным, как и наш фельдшер Агафья Петровна. Поэтому его смерть оказалась для нас настоящим шоком. В наших сердцах появилось пустота, которую, казалось, ничем и никогда уже не заполнить.

С Гражданином Галактики особой дружбы никто не водил, но человеком он был странным и загадочным, поэтому его имя всегда было у всех на устах. Его появление на свет и само его существование всегда было окружено различными слухами и досужими домыслами. Большинство слухов инициировал и в дальнейшем форсировал сам Захар.

Достоверно известно, что за девять месяцев до рождения Захара, с его матерью Капитолиной произошла цепь странных событий. Началось всё с исчезновения юной девушки. Три дня искали её всем селом. Проверили все леса вокруг, облазили все овраги, и даже, протащили сеть по мелкой речушке. Прервала поиски сама виновница сельского переполоха, неожиданно вернувшись домой. Выглядела она бледной и растрепанной, а во время справедливого допроса её родителей, который последовал за столь же справедливой поркой, девушка рассказала совершенно невероятную историю. Дескать, во время прогулки вдоль пшеничного поля, девушке безотлагательно потребовалось опорожнить мочевой пузырь. Следуя зову природы Капитолина углубилась в поле и присела среди молодой пшеницы. Последнее, что, по словам девушки, она помнит, это яркий ослепляющий свет и затяжной гул, от которого болели уши. Пришла в себя она, якобы уже в селе, когда обеспокоенные родители подняли на ноги всех сельчан.

В качестве доказательства Капитолина отвела любопытных на место происшествия и показала три таинственных круга, которые залегли непосредственно на пшеничном поле. Круги представляли собой три абсолютно правильной геометрической формы проплешины, зияющие черноземом прямо посреди густых зарослей пшеницы.

Вскоре выяснилось, что Капитолина на сносях. Сей факт очень огорчил её родителей, так как теперь отдать замуж дочь не представлялось возможным. В 1939-м порядки были другие, даже в нашем порочном селе.

Большинство трезвомыслящих селян давали достаточно тривиальное объяснение всей этой истории. Заключалось оно вот в чем: молодая и жадная до мужских ласк Капитолина три дня блудила в соседнем селе Верхний Басрак, а признаться в содеянном ей просто не хватило смелости. Проще было соврать о непорочном зачатии, ссылаясь на всем известный прецедент. Что касается загадочных кругов, их происхождение оказалось ещё банальнее. Через некоторое время за порчу государственной собственности привлекли к ответственности мужичка Игната, кстати, того самого человека, которого через много лет едва не лишил жизни обезумевший Король Рвана Жопя на своем кровавом юбилее. Игнат, привязывающий к колышкам трех своих коз прямо посреди пшеничного поля, был пойман с поличным и строго наказан штрафом. Его три козы были настолько дотошны в плане еды, что выедали пшеницу на ограниченной длинной веревкой поверхности до такой степени, что найти хоть травинку на месте их пиршества становилось невозможно, даже с помощью лупы.

Но оставалась ещё часть людей, которые хотели верить в чудеса и магию в их обыденной и неинтересной жизни. Кто-то был уверен, что до их односельчанки дотронулся сам господь, кто-то говорил, что мистическая беременность – это символ духовного возрождения села. К

радости таких простых басрацких романтиков и появился младенец Захар, которого позже будут называть не иначе, как Гражданин Галактики.

Рождение Гражданина Галактики окружено ещё более потрясающими воображение историями, чем его зачатие. Что из всей истории правда, а что нет, судить вам. Свои попытки разобраться в хитросплетениях историй родного села, я оставил давно.

Не подлежит сомнению лишь один факт – малыш Захар родился с огромной непропорциональной головой. Сейчас это заболевание именуется гидроцефалией, а в 1940-м году, Агафья Петровна называла это простым и понятным термином – водянкой головного мозга. С самого начала роды пошли не по плану: Агафья Петровна в том месяце уезжала в районный центр на аттестацию, и ей на замену прислали молодую акушерку. Это был единственный вопиющий случай в нашем селе, когда роды принимала не Агафья Петровна.

Дальше история разворачивалась самым фантастическим образом. Молодая акушерка была в сверхъестественном ужасе от вида огромной головы младенца, с такой болезнью она столкнулась впервые. Сам маленький Захар в силу своей физической особенности, причинил немалые страдания своей матери, появляясь на свет. Наглотавшись околоплодных вод, уже на трясущихся руках акушерки младенец перестал подавать признаки жизни.

Акушерка, убежденная в том, что открыла доселе неизвестную науке болезнь, убедила молодую мать оставить младенца на благо науки. Капитолина даже не протестовала, во-первых, она была счастлива, что мучительные роды наконец-то закончились, а во-вторых, ребенок не был желанным для нее и тем более для её родителей.

Воображение медсестры уже рисовало картины её триумфального прибытия в московский институт. Акушерка не сомневалась, что усатый декан схватится за сердце рассматривая диковинного младенца, а товарищ Сталин приедет и наградит ее, недавно учрежденным, почетным званием Заслуженного врача РСФСР.

С этими приятными сердцу и душе мыслями, молодой медицинский работник законсервировала маленького Захара в пятилитровой банке, залив его обычной водкой, так как спирта в таком количестве в сельской больнице не нашлось.

Плану обрести мировую известность в медицинских кругах не суждено было воплотиться в жизнь. Маленький Захар выжил! Младенец, открыв глазки, взглянул на мир сквозь мутный слой деревенской водки, и преисполнился справедливым гневом! Первое, что он сделал – разбил маленьким кулачком толстое стекло банки, предварительно выпив из нее всю водку. После чего, уверенно дополз до дремавшей акушерки и в полной мере совершил своё возмездие, задушив молодую девушку собственной пуповиной. Со слов самого Захара, именно в этот день он стал законченным алкоголиком. Это в общем-то похоже на правду, так как в нашем селе каждый житель, находясь в утробе матери уже становится генетическим алкашом.

Определяющую роль в жизни Захара сыграла Агафья Петровна, которая вернувшись с райцентра, провела революционную на тот момент операцию по шунтированию черепа. Благодаря этому Захар, получил возможность жить дальше относительно полноценной жизнью. Захар вырос очень крепким и здоровым мальчиком.

Через год началась война, и, если верить пьяным рассказам самого Захара Тарасюка, в годовалом возрасте малыш пошел на фронт. Якобы, специально для Захара лично Евгением Драгуновым было разработано маленькое боевое ружье. В таком виде маленький боец дестабилизировал ряды фашистских войск на протяжении четырех лет.

Прозвище Гражданин Галактики прилипло к нему в конце 50-х, когда вся наша страна болела космической гонкой между двумя великими державами. Мода на научную фантастику докатилась и до нашего села. Тогда в нашу библиотеку попало несколько таких книг, в том числе и сборник рассказов и повестей «Небесный фермер» молодого на тот момент американского писателя-фантаста Роберта Хайнлайна. Тогда-то басрачане и узнали, что такое внеземные цивилизации, черные дыры и путешествия во времени. Любителям чтения сразу вспомни-

лась загадочная история Захара Тарасюка, и, недолго думая, жители Басрака приписали своему земляку галактическое гражданство. А мизантропу Захару пришлось по душе такая репутация. Дружить с ним особого желания никто не изъявлял, что полностью его устраивало, так как терпеть человеческое общество он мог только в состоянии алкогольного опьянения.

Работу себе Гражданин Галактики нашел тоже по душе – басрацкое лесное хозяйство приняло его к себе в штат в качестве районного лесничего. С тех пор он и бродил по лесу, пугая своей огромной головой случайно забредших в лес путников и туристов. Свободное время Гражданин Галактики проводил в эпицентре светской жизни Басрака – на площадке перед сельским магазином. Нещадно заливая за воротник Гражданин Галактики монотонно рассказывал истории из своей жизни, вне зависимости от того, внимают ему или нет. А если какой-нибудь нерадивый слушатель пытался поставить под сомнения рассказы Захара, или, что ещё хуже, брался надсмехаться над автором, то Гражданин Галактики жестоко наказывал хулителя, выдавая затрещины поистине инопланетной силы.

Теперь мы смотрели на накрытый брезентом труп легендарной личности и в глубине души пытались принять факт того, что ничто не вечно в подлунном мире. В том числе и мы.

– Что с ним случилось? – собравшись с мыслями спросил Фанис Филаретович.

Агафья Петровна щелкнула выключателем, в комнате с потрескиванием включились лампы дневного света, и стало немного светлее. Фельдшер подошла к каталке и уверенным движением сдернула покрывающий тело брезент, открыв нашему взору несчастного покойника. Первое, что бросилось в глаза, не считая огромной головы, это обширная гематома и ссадины в области шеи. На лице Гражданина Галактики, кроме выражения невыносимых страданий и боли, виднелось много небольших ранок.

– Умер, занимаясь любимым делом, бедняжка, – сказала Агафья Петровна, – застрял в дупле, голова-то огромная. Белка лицо покусала. Судя по всему, сломал шею, пытаюсь освободится.

Участковый с горечью покачал головой.

– Мне казалось, он бессмертен. Однако, не спасли его инопланетные способности, – резюмировал Фанис Филаретович.

Я посмотрел на Мансура, который отрешенно разглядывал сырой потолок. Я даже порадовался, тому, что мой друг не блещет умственными способностями, ему было легче воспринимать последние события. Мне же помогли пары клея, которые всё ещё держали мою душу в относительном спокойствии.

– Ладно, ребятки, мне пора на службу, – сказал участковый, – а вы тут помогите Агафье Петровне.

С чувством выполненного долга Фанис Филаретович бравой походкой покинул подвал. Через несколько мгновений мы услышали кашляющие звуки «Москвича», а ещё через минуту стихли и они. Участковый уехал по своим делам.

Агафья Петровна потеряла руки и достала из шкафчика несколько пар резиновых перчаток.

– Ну, что, за дело! Произведем осмотр тел, а потом составим свидетельство о смерти, – бодро скомандовала старушка, – раздевайте их. Вещи отдельно, вот на этот столик.

– С кого начнем? – спросил Мансур.

Я кивнул на Короля Рвану Жопу, и мы приступили к делу. Снять одежду с его величества оказалось достаточно простой задачей – его величество оказался крайне тщедушного телосложения. Одежда висела на нем как на вешалке. Я аккуратно свернул его гардероб в компактный сверток, и, положив его на стол, наконец взглянул на обнаженного Короля.

Перед моим взором предстала не самая приятная сердцу картина. Король Рвана Жопа выглядел как обтянутый кожей скелет. Королевское лицо вполне могло служить иллюстрацией для детских сказок про Кощея. Щеки запали и выпирающие скулы венчал крючковатый нос

с огромными ноздрями. Под закрытыми веками можно было разглядеть выпирающие глазные яблоки. На тонкой шее явственно виднелись синие следы от веревки. Огромный кадык торчал настолько неестественно, что бросал тень на впалую грудь, покрытую редкой растительностью. Мне показалось, что через его живот я увидел контур позвоночника. Опустив взгляд ниже, я, ощущая некое чувство неловкости, посмотрел на его промежность. Такого количества волос, я не видел никогда в жизни. Они торчали таким густым пучком, что полностью скрывали от любопытных взглядов королевский пенис.

– Эта штука выглядит уютнее, чем моя подушка, – прокомментировал Мансур.

– Иди, вздремни, – сказал я, ткнув его в бок локтем.

Наш разговор прервала Агафья Петровна, которая, нацепив огромные очки, подошла к каталке. Щелкнув пальцами она принялась деловито ощупывать тело покойного короля.

– Повесился? – спросила она.

– Или повесили, – сказал я.

– Повреждены шейные позвонки, – пробормотала Агафья Петровна, сделав пометку в блокноте, – травма несовместимая с жизнью. Также у покойного наблюдается сильнейшее физическое истощение, судя по всему, он не принимал пищу как минимум неделю, – она нагнулась к Королю и принюхалась, – сильный запах спирта. Зато принимал много алкоголя!

Агафья Петровна, несмотря на то, что была даже скорее древняя, чем старая, выглядела крайне бодро и профессионально. Она с уверенным видом и легкой грацией порхала вокруг трупа. Проговаривая вслух сделанные наблюдения Агафья Петровна ставила пометки в своем старом блокноте.

– Понятно, почему он гомосексуалист, – запустив руку в промежность покойника Агафья Петровна бесцеремонно пошарила в густых зарослях, – рудиментарные половые признаки у него. Не королевский у него, член, если вы понимаете, о чём я. Ладно, раздевайте Гражданина Галактики.

Раздеть инопланетного покойника оказалось немного сложнее. Особую проблему составило снятие футболки. Огромная голова Гражданина Галактики никак не хотела пролезать через узкий воротник. Оставалось только догадываться, каких трудов стоило несчастному надеть этот элемент гардероба. Будь он жив, я бы посоветовал ему в срочном порядке избавиться от всех футболок и в дальнейшем отдавать предпочтение исключительно рубашкам. Наконец, справившись со сложной задачей, мы могли оглядеть результат своих трудов – голого Гражданина Галактики. Сказать, что он был прекрасно сложен – ничего не сказать. Его тело, будто сошедшее с обложки журнала, портила только огромная уродливая голова в беличьих укусах.

Не стовариваясь, я и Мансур одновременно повернули головы, чтобы посмотреть на член Гражданина Галактики.

– Ничего себе, – ахнул Мансур, – я бы с ним поменялся. Зачем мертвецу такая балда?

Я мысленно согласился со своим другом. Наличие такого межгалактического агрегата в штанах добавляет уверенности даже больше чем две кобуры с пистолетами на бедрах.

– Да, – согласилась Агафья Петровна, – в пору младенчества Захара, я спасла ему жизнь, в том числе и из-за размера его пениса. Даже в то время он поражал воображение. Было бы жалко, если бы такой божий дар пропал зря. – Агафья Петровна мечтательно закатила глаза, казавшиеся неестественно огромными благодаря толстеньким линзам в роговой оправе, – Ну, всё не отвлекаемся.

Фельдшер начала беглый осмотр трупа Гражданина Галактики.

– Повреждены шейные позвонки, – повторила прошлый диагноз Агафья Петровна, снова сделав пометку в блокноте, – травма несовместимая с жизнью. Также у покойного наблюдаются многочисленные звериные укусы на лице. Предположительно – беличьи. Присутствует запах спирта.

Сняв перчатки Агафья Петровна достала из шкафчика два бланка и шариковую ручку.

– Помогите мне заполнить свидетельства о смерти, – сказала она, протянув бланки и ручку Мансуру. Когда мой друг потянулся за бумагами, Агафья Петровна резко одернула руку и протянула бланки мне, – Держи, ты допустишь меньше ошибок, чем этот олух.

Мансур насупился и с обиженным видом принялся разглядывать трупы.

– Зачитывай название поля, а я буду диктовать информацию для заполнения. Начнем с Короля Рваны Жопы, – дала четкие инструкции Агафья Петровна.

Я с тоской посмотрел на бланк с фантастическим количеством строчек и поудобнее уселся на жесткий стул. Подвинувшись поближе к столу, я приготовился заполнять бумаги.

– Фамилия, имя и отчество, – спросил я, понимая, что даже не знаю полных королевских инициалов.

– Ибатуллин Ильшат Идиятович, – отчеканила Агафья Петровна. Эта удивительная женщина знала данные на каждого жителя Нижнего Басрака.

– Пол?

Агафья Петровна, неодобрительно посмотрела на меня поверх очков.

– Азат, я думала, ты умнее Мансура. Помнишь, как ты украл букву с моей вывески? Тогда моя вера в твой интеллект пошатнулась в первый раз. Сейчас был второй. Ставь галочку рядом со словом «мужской» и больше не задавай глупых вопросов.

– Дата рождения? – спросил я, и тут же, на всякий случай, добавил, – Понятия не имею, когда он родился!

– Первого августа тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, – ответила фельдшер.

Далее я методично заполнил дату смерти, место рождения и место смерти, в нашем случае они совпадали: Республика Башкортостан, Хайбуллинский район, село Нижний Басрак, улица Салавата Юлаева, дом семь. Этот адрес я мог продиктовать, разбуди меня посреди ночи. Последние пять лет, это место было для нас чем-то вроде Мекки. В этом, имеющем сакральное значение, доме мы купили столько самогона, что хватило бы на целую цистерну.

Таким образом мы добрались до десятого пункта – «Причины смерти».

– Состояние, непосредственно, приведшее к смерти – самоубийство. Внешняя причина – удушение при помощи веревки, – диктовала Агафья Петровна, – первоначальная причина – травма шейного отдела позвоночника не совместимая с жизнью. Приблизительный период времени между началом патологического процесса и смертью – пять минут.

– А если его повесили? – спросил Мансур.

– Не мешай, – отрезала Агафья Петровна и продолжила свою монотонную диктовку.

Когда, наконец, закончился бланк, я с облегчением вздохнул, но наш фельдшер, не давая и минутного отдыха, потребовала, чтобы мы перешли к следующему трупу. Я обреченно положил перед собой листок и продолжил работу.

– Фамилия, имя и отчество?

– Тарасюк Захар Капитолинович, – ответила фельдшер. Мансур хохотнул. Агафья Петровна строго посмотрела, – отец Гражданина Галактики так и остался неизвестным лицом, поэтому в отчество записали имя его матери. Он очень злился, когда ему об этом напоминали. Азат, дальше!

– Дата рождения.

– Пятого августа тысяча девятьсот сорокового года, – ответила фельдшер и горестно вздохнула, – не молод, а тело как у Аполлона. Жалко так и не женился паренек.

Все остальные пункты по большому счету повторяли прошлое медицинское свидетельство. Добавилась только информация о беличьих укусах.

Когда я закончил Агафья Петровна забрала у меня бланки и пошла наверх, в регистратуру, поставить печати на официальные документы.

– Накройте их, – бросила она напоследок.

Мы молча накрыли трупы и сели на свободную каталку, чтобы перевести дух.

– Ну что, дернем? – спросил Мансур, доставая тюбик с клеем.

– Охотно, – улыбнулся я, глядя как он выдавливает капли зеленого клея в полиэтиленовые пакеты.

Мы прижали пакеты к лицам и сделали по сорок вдохов. Сырой подвал стал будто бы просторнее. Посмотрел на потолок, рассматривая причудливые разводы на желтой побелке. Мне казалось, эти хаотичные рисунки пытаются мне что-то сказать. Я присмотрелся внимательнее и увидел, как...

Серый Владыка и Мыслитель делают вид, что не замечают Старую Девочку. Они смотрели поверх её седой головы, делая вид, что черные тучи, несущиеся над пустой выжженной равниной, гораздо интереснее Старой Девочки.

Мыслитель уже давно перенял манеру Серого Владыки игнорировать все вопросы. Теперь он молча сидел и направлял свои пустые глазницы вдаль, лениво размышляя. В данный момент раздумья его касались редких, но крупных капель серого дождя, падающих с неба.

– Серый Владыка, я потеряла свою грусть, – Старая Девочка не оставляла своих попыток завести разговор. – Грусть – это всё что у меня было. Светлая грусть – сегодня. Темная – позавчера.

Серый Владыка молча посмотрел на Старую Девочку. По детскому, но морщинистому лицу стекали серые дождевые капли, которые спорили своим цветом с оттенком её глаз. Здесь ей самое место.

– Серый Владыка, посмотри туда! – воскликнула Старая Девочка, указывая сморщенной рукой в сторону горизонта, – там на западе.

– Здесь везде запад, – молвил Мыслитель, но всё же обратил свои пустые глазницы в сторону горизонта. Он увидел крошечные фигурки, медленно бредущие к ним на встречу.

– Добро пожаловать в Страну Гниющих Львов, – сказал Мыслитель.

Серый Владыка молчал. Головаст смеялся.

Я очнулся от того, что Мансур тряс меня за плечо.

– Азат, кто-то идет!

Я посмотрел на него, в его глазах застыл страх.

– Мансур, что ты видел?

– Я...

Договорить Мансуру не дал наш участковый, который уже второй раз за сегодня прерывал наше путешествие. Фанис Филаретович спустился в подвал, неся на руках тело. Он немного напоминал молодого жениха с невестой на руках.

– Слезайте с каталки, – прикрикнул он на нас. Его голос дрожал, то ли от усталости, то ли от страха. И, когда мы освободили место, участковый наконец положил свою ношу и облегченно вздохнул.

На наш молчаливый вопрос Фанис Филаретович ответил просто и понятно:

– Медуза умерла.

Глава 3. Медуза

Возможно, смерть Медузы уберегла меня от ещё более стремительного погружения на дно жизни Нижнего Басрака. Медуза слыла уважаемой персоной среди лютых отбросов и вырожденцев всего Хайбуллинского района. её «горгонов отвар», производимый из маковой соломки и ацетона, пользовался безграничной популярностью среди вышеозначенного слоя общества. Не сомневаюсь, что рано или поздно, в поисках новых ощущений, я и Мансур постучались бы в двери её логова.

Паспорт Медузы сообщал, что на самом деле, она именуется Анисой Мударисовой, но этот факт был попросту не интересен подавляющему большинству населения Нижнего Басрака. Медузой женщину называли из-за кошмарного состояния её прически и недоброго взгляда из-под саганински изогнутых бровей. Как мне кажется, волосы она не мыла с самого рождения, они свисали с её головы спутанными толстыми сосульками. Это было нечто похожее на модные дреды, которые в отличии от настоящих, появились исключительно естественным образом. Такие прически носили первобытные женщины, если верить учебникам антропологии.

Кроме того, что Медуза своими отварами снабжала всех наркоманов округа, она была известна, как единственный представитель и основатель секты «Ышаныс Хаклаусьлар»⁴. Начало религиозному сдвигу Анисы, как принято считать, положил дед Игнат, рассказавший маленькой девочке часть своих деревенских баек. Распространение убийственной наркоты, по мнению Медузы, полностью укладывалось в рамки религиозных практик её вероисповедания. Наркоманам же священное писание Медузы было совершенно безразлично, но это не мешало им вновь и вновь обращаться к ней за очередным пузырьком волшебной жидкости, чтобы поставить очередной шрам на израненные спины бегущих по рукам вен.

Неписанная история села Нижний Басрак повествует о том, что Медуза – дитя запретной любви – сиречь кровосмешения. Практика внутрисемейных браков практиковалась в семействе Мударисовых с древнейших времен. Мне кажется, в этом был некий сакральный смысл: поколения предков Медузы веками копили в своей крови божественное знание, которое экстраполировалось в лице их последнего потомка – Анисы Мударисовой. Медуза с радостью делилась всем, что знала и что родилось в её голове со своими клиентами – потенциальными адептами её религии. С каждой порцией убийственного зелья она выдавала порцию проповеди, проникнуть в суть которой здравомыслящему человеку не представлялось возможным. Помимо устного изложения догматов своей веры Медуза писала иконы. Помнится, я даже стал счастливым обладателем одного из её произведений искусства. Мазня на холсте отдаленно напоминала одновременно Деву Марию, Иисуса и Шиву, обрамленных исламской молитвой на арабском языке. Запоминающимся штрихом служил колпак на голове божества, усеянный звездами. Моя мама однажды увидев, что за святой образ я принес в дом, выпорола меня ремнем, а потом сожгла икону. А папа сказал, что «эта хуйня противна богу, аллаху и сатане». Тогда родители полностью отбили мою веру в какие-либо высшие силы.

Медуза, в отличии от односельчан, благодаря крайней стадии эскапизма, жила счастливой жизнью. Она существовала в основном в своем выдуманном мире, изредка выныривая в реальность, чтобы ухаживать за грядками мака, что спрятались в её густом саду. Остальное время Медуза посвящала иконописи, песнопениям и загадочным ритуалам. Однажды в полнолуние, во время своего очередного таинства, она лишила девственности нашего пастуха Васю Муравкина. Я подозреваю, что это была единственная женщина в его жизни. Но я не могу

⁴ *Ышаныс Хаклаусьлар* – Защитники Веры (башк.)

судить, что отбило его дальнейшее сексуальное желание – тот самый, единственный в жизни незабываемый секс, который своим светом затмит все остальные попытки соития или острая психологическая травма, которая на всю жизнь отбила всяческую тягу к половым актам. Об этом может рассказать только Вася Муравкин, а он предпочитает обходить эту тему стороной. Однажды Мансур попытался сосричь на тему взаимоотношений Медузы и Васи, на что Муравкин резонно ответил, что мой друг вообще потерял девственность с тыквой в огороде деда Игната. На это Мансур не придумал ответа, потому что это была чистая правда.

Я с интересом осмотрел труп Медузы, который с умиротворенным видом покоился на каталке. По своему обыкновению, Аниса была облачена в фантастическое количество предметов гардероба. Под расстегнутым пальто виднелось как минимум три свитера, из-под которых торчал воротник самотканой рубашки. Несколько разноцветных юбок прикрывали толстые, от слоя нескольких гамаш, ноги. Безобразный ком волос на её голове прикрывала бесформенная широкополая шляпа.

Наше молчаливое созерцание прервала Агафья Петровна, которая с кряхтением спустилась в морг. её взгляд остановился на свежем трупе. Казалось, что фельдшер совершенно не удивлена. С другой стороны, Агафья Петровна достигла той возрастной планки, при которой уже люди ничему не удивляются.

– Что с ней? – спросила фельдшер. Она снова нацепила на нос свои очки-телескопы.

– Скорее всего Медуза отравилась химическими испарениями, – ответил участковый, – я проезжал по улице Кыхыма-Тюри, когда на дорогу буквально выпрыгнула тетя Катя, соседка Медузы. Исходя из её истеричных жалоб и криков, я понял, что из хибары Анисы валит едкий дым, который уже дошел до дома тети Кати. Из дома действительно дым шел столбом, а вокруг чувствовался едкий запах, будто после химической атаки. Я прикрыл курткой лицо и поспешил в дом. Задымление произошло из-за неустановленного вещества, которое пролилось в затопленную печку из опрокинувшегося на плитке чугунок. Вылив в очаг ведро воды, я начал поиски хозяйки дома. Когда я нашел ее, было уже поздно и мне ничего не оставалось, кроме как привезти её сюда. Родни-то у нее нет. Даже сообщить некому.

Агафья Петровна подошла к каталке и мельком оглядела труп.

– Возьми в том ящике фонарик, – приказала мне фельдшер, указывая рукой в сторону шкафа, – и посвети сюда.

Я открыл ящик и среди многообразия различных инструментов, часть из которых можно со спокойным сердцем отправить в музей медицины, нашел компактный фонарик. Я пощелкал кнопкой включения и фонарик мигая, загорелся.

– Ну что ты там, уснул что ли? – требовательно крикнула Агафья Петровна. У меня складывалась ощущение, что я навечно стал её ассистентом.

Потянув Медузу за нижнюю челюсть, фельдшер открыла покойнице рот.

– Сюда свети, болван, – проворчала Агафья Петровна и удовлетворённо хмыкнула, когда я выполнил её просьбу, – да, отравилась, бедняга. Слизистая у нее вся розовая. Фанис, ты опоздал минут на десять.

Участковый виновато опустил голову.

– Ладно, раздевайте ее, – отдала очередной приказ фельдшер.

Мансур в один миг оказался около каталки и в ту же секунду его трясущиеся руки стали шарить по одежде покойницы, пытаясь одолеть несметное количество пуговиц. Мой друг даже не пытался скрыть своего возбуждения. Для него эта была долгожданная возможность поглазеть на обнаженное женское тело, и неважно, что оно было мертвым. Я же действовал гораздо взрослее: спокойными и методичными движениями снимал с Медузы тот или иной предмет гардероба, аккуратно складывая его в стремительно растущую кучу одежды. Мой сексуальный опыт был несколько обширнее того, чем мог похвастаться Мансур: во-первых, я трогал грудь нашей вечно пьяной соседки Зухры, а во-вторых, когда она уснула, мне удалось засунуть палец

в её влагалище. Мансур даже не пытался скрыть своей зависти, когда я давал ему понюхать свой перст, ведь все, чем мой друг мог похвастаться, это то, как его гнал дед Игнат, после того как увидел обесчещенной одну из своих тыкв.

Когда с одеждой было покончено Медуза предстала перед нами такой, какой создал её личный бог. Любуясь телом покойницы, я машинально сворачивал рубашку, чтобы положить её к остальной одежде. В нагрудном кармане я нащупал плотный продолговатый предмет, который оказался старым блокнотом. Положив рубашку на столик, который уже начал напоминать прилавок секонд-хенда, я открыл блокнот и пролистал несколько страниц, исписанных мелким убористым почерком. Не успел я прочесть и пары строк, как меня отвлек Мансур.

– Я завидую Васе Муравкину, – мечтательно сказал мой друг, не отрывая взгляда от полной груди Медузы, – кто же знал, что она такая красотка.

– Ты извращенец, – сказал Фанис Филаретович, сам он также был не в силах отвести глаз от обнаженного тела, – сначала трахаешь тыкву, потом стоишь над мертвой женщиной с торчащим хуем.

Мансур стыдливо натянул футболку практически до колен, прикрывая свою эрекцию. Надпись «Олимпиада-80» растянулась на ткани в высоком гротескном шрифте. Сколько я себя помнил Мансур всегда ходил в этой футболке.

– Хватит пускать слюни на несчастную женщину, побойтесь бога, – строго сказала Агафья Петровна уже позабыв, что ещё полчаса назад с вождением разглядывала пенис Гражданина Галактики, – Азат, бери бланк и начинай заполнять!

Я послушно взял листок и сел за стол, приготовившись к уже привычной мне процедуре заполнения официального документа.

– Фамилия, имя и отчество? – спросил я.

– Аниса Хамидулловна Мударисова, – отчеканила Агафья Петровна. Меня охватило острое чувство дежавю, от которого по спине побежали мурашки. Мне казалось, что я устроился работать в какую-то безумную небесную канцелярию и делом всей моей жизни стало заполнение огромного гроссбуха с именами покойников.

– Дата рождения, – продолжил я.

– Седьмого августа тысяча девятьсот семидесятого года, – ответила фельдшер.

Достаточно быстро заполнив оставшуюся часть бланка мне пришлось лишь ненадолго остановиться на причинах смерти. Я с облегчением отложил ручку и мой взгляд упал на найденный мной блокнот покойной женщины, о котором я уже успел забыть.

– Что это? – перехватив мой взгляд спросил Фанис Филаретович.

– Какие-то записи... – сказал я, открывая блокнот, – Евангелие от Медузы. Здесь всё на башкирском языке.

Я передал блокнот участковому, так как моё знание родного языка сводилось к паре слов из категории обцененной лексики. Фанис Филаретович с сомнением полистал записи и с виноватым видом заявил:

– Я не знаю башкирского языка, Агафья Петровна, может вы знаете?

– Не знаю я ваших басурманских языков, – проворчала фельдшер.

– Я знаю! – с гордостью выпятив грудь сказал Мансур, – не так уж я и глуп, как принято полагать.

Участковый передал блокнот Мансору, и тот, с видом академика, принялся перелистывать страницы. Я видел, с какой гордостью поглядывает на нас новоявленный эксперт по башкирской филологии. Его глаза возбужденно блестели, а руки нервно тряслись.

– Здесь один и тот же текст, который повторяется на каждой странице, – заметил Мансур.

– Так изволь его прочесть, – сказал Фанис Филаретович, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. И Мансур продекламировал отрывок следующего содержания:

Пора призвать царей в страну гниющих братьев. Давно забытый бог откроет им ворота и ринется в страну своих гниющих братьев невиданный доселе, огромный дивный прайд. Немытая долина умоет лик свой кровью, а тот, кто запоздает – последует за братом в страну гниющих братьев. Тот день настанет скоро, ты жди, гниющий царь зверей.

– Что такое прайд? – спросил Мансур, закончив напряженное чтение.

– Стая львов, – машинально ответил я, пытаюсь избавиться от внезапного озноба. Что-то очень знакомое в моей душе задел этот текст.

– Бред безумной бабы, – резюмировал участковый, – некогда мне слушать эту чушь. Вы тут заканчивайте, а я на участок. Мне ещё нужно рапорт составить и доложить Варнаве Фомичу. Пусть уже начинает заниматься организацией похорон.

С этими словами Фанис Филаретович уже в третий раз покинул наше общество, но меня не покидало предчувствие, что скоро мы снова увидимся. Мансур не обратил никакого внимания, на ушедшего участкового. Мой друг с опустошённым видом крутил в руках записи Медузы. Мансур чувствовал, что торжество его эрудиции закончилось также неожиданно, как и началось, и он пытался подольше удержать ощущение триумфа в своей голове. Я спросил Агафью Петровну, что она думает по этому поводу.

– Многое я видела за свою долгую жизнь, – ответила фельдшер, накрывая Медузу брезентовым полотном, – и далеко не всё я могу объяснить, руководствуясь законами логики. Вот, например, как сейчас помню тысяча девятьсот двадцатый год. В то светлое время я была ещё относительно молода.

Взгляд Агафьи Петровны растворился в пространстве, я видел, что душой она уже далеко в прошлом.

– Как раз в тот год большевики казнили барина нашего, Емельяна, упокой господь его душу, – продолжала тем временем Агафья Петровна, – добрейшей души человек был. Как только его кровью улицы окропили, так проклятым стало наше село, хотите верьте, хотите нет. Я в этом доме и в этом селе жила ещё при царе и прекрасно помню, как здесь счастливо жилось. А сейчас здесь обитают, в основном, воры, пьяницы, душегубы и безумцы. Напрасно, я здесь осталась. Но, вспоминая прошлое, могу сказать, что я не могла поступить иначе. Поэтому и приняла предложение работать фельдшером, в том же самом доме, где я жила при барине.

Агафья Петровна потеряла глаза рукавом и некоторое время помолчала.

– Отвлеклась я, – одернула себя старушка. – Итак, теплым летним днем тысяча девятьсот двадцатого года, когда солнце разогнало тучи, из которых лил дождь последние две недели, я отправилась за грибами в наш лес. В тот самый лес, что начинается от мусульманского кладбища. Не разгибаясь я шла по лесу, только и успевая срезать торчащие, как мужские фаллосы, грибы. Погода стояла жаркая, но лес радовал прохладой и душистыми ароматами. Когда корзинку увенчала горка подберезовиков я заметила, что ушла достаточно далеко от села, и теперь меня окружала первозданная чаща леса. В наше время уже нет таких лесов, даже самые дикие места загадили мусором и пустыми бутылками поганцы вроде тебя, Мансур.

Мой друг, услышав своё имя, встрепенулся и насупился.

– Я поставила корзинку на землю, а сама присела на упавшее дерево чтобы перевести дух, – продолжала Агафья Петровна. – И тут, я услышала дивный аромат, который витал вокруг меня. Осмотревшись по сторонам, я увидела необычные грибы, растущие в траве. Сорвав несколько штук, я подержала их в руках. С виду они напоминали поганки на длинных ножках. Мне казалось, что они пульсируют в моих ладонях, доживая остатки своей непостижимой жизни. Сейчас мне сложно оправдать своё поведение, но тогда мне казалось, что я следую зову сердца. Азат, ты не поверишь, но я, образованный человек и врач, не контролируя ситуацию, стала класть себе в рот гриб за грибом.

Мансур хохотнул, за что я сильно ткнул его локтем в бок. Мой друг обиженно посмотрел на меня. Его глаза пылали праведным гневом.

– Азат – яйца назад! – шепнул он мне на ухо старую дразнилку и, посчитав, что возмездие свершено, успокоился.

Агафья Петровна даже не заметила нашей перебранки. Мыслями она сидела на бревне и лакобилась псилоцибиновыми поганками.

– То, что произошло после этого, сложно объяснить научными методами, – продолжила рассказ фельдшер, – первое, что я услышала, это песнь, которую пели листья на деревьях. Это было просто прекрасно. Я вспомнила барина Емельяна, но это воспоминание не причинило мне боли как бывало обычно. Мне даже казалось, что его голос тоже участвует в этом волшебном листовном хоре. А потом я увидела древнего бога. И он был прекрасен. Полностью обнаженное, сильное мужское тело венчал огромный череп льва, похожий на причудливую пустую маску. Я слышала ветер, который гулял в его пустом черепе и подпевал поющим вокруг листьям. Нет, я не напугалась. Как раз наоборот, я наконец-таки обрела покой, когда он взял меня своими сильными руками.

Агафья Петровна вытерла слезы и заговорила снова:

– Очнулась я в одиночестве, лежа на траве в чём мать родила. На полянке вокруг меня ровным кругом, словно кольцо фей, росли те самые поганки. Ко мне пришло понимание: мы ещё встретимся, и встреча станет последним событием в моей жизни. Понимаешь, к чему я веду, Азат? Всё зависит от твоего личного восприятия. Кто-то скажет, что я просто наелась галлюциногенных грибов, сама же я верю в то, что меня полюбил древний бог, сделав меня бессмертной до определенного момента. твоё право верить в то, что ты хочешь. Понимать и осознавать вещи так, как ты сам того пожелаешь. Сегодняшние смерти подчиняются той же аналогии: Варнава Фомич смотрит на трупы и видит в них мертвые отбросы общества, а ты, со своей стороны, пытаешься усмотреть в этом цепь мистических взаимосвязанных событий. Исключения составляют такие люди, как, например, Мансур, которым и раздумывать о таких вещах не приходится, они следуют своим низменным потребностям, пренебрегая всем остальным.

Мансур внимательно дослушал фельдшера, пытаясь определить оскорбили его или нет. Так и не придя к окончательному решению он с достоинством отвернулся. Старушка, судя по всему, посчитала разговор оконченным и встала со стула. Покряхтывая Агафья Петровна взяла свидетельство о смерти Медузы со стола и, не слова не говоря, вышла из подвала.

– Моя мама говорила, что её трахал шурале, – сказал Мансур, – оказывается, правда.

– Сам ты шурале, – ответил я, – доставай клей.

Мансур всегда был сторонником решительных и импульсивных действий, поэтому дважды повторять просьбу не потребовалось. Он быстро достал из внутреннего кармана тюбик клея и новые пакеты. После недолгих манипуляций он передал мне готовую комбинацию. Я прижал пакет к лицу и начал считать вдохи. На сороковом моя голова закружилась, я понял, что смотрю на...

Процессия двигалась в сторону места, где молча сидел Серый Владыка.

Головаст старался не смотреть на идущих. Мыслитель и Старая Девочка без особого успеха и без явного интереса пытались сосчитать количество направляющихся к ним гостей. Весь горизонт заполнили бредущие серые фигуры. Старая Девочка смирилась с общим молчанием, найдя в нем особую прелесть. Она поднимала с серой земли мелкие камушки и клала их в пустые глазницы Мыслителя. Камушки создавали приятный звук, катаясь внутри пустого черепа. Мыслитель делал вид, что ничего не замечает, но на самом деле, он раздумывал над стуком камней, пытаясь придать ему какой-то смысл.

– Так шумят твои мысли, – одновременно сказали Сросишеся Близнецы, которые недавно присоединились к компании, – слышишь, маленький камушек ударился о большую гальку? Это твоя мысль о прошлом, которое ты не можешь вспомнить.

Голос Сросшихся Близнецов звучал очень мрачно. Они говорили всегда одновременно, но голос одного из них запаздывал на малейшую долю секунды, создавая мистический резонанс. Мыслитель посмотрел на Сросшихся Близнецов, но так и не вспомнил откуда и когда они появились. Близнецы и сами не знали, что они забыли на этой серой земле. Стоит отметить, что их это совершенно не интересовало. Скорее всего, на этот вопрос смог бы ответить Серый Владыка, но все знали, что он предпочтет хранить молчание.

Старая Девочка посмотрела на братьев, в её глазах стояло абсолютное безразличие. На нее не производили впечатления ни их сросшиеся спинами тела, ни их уродливые лысые головы. Старая девочка отвела взгляд с их по паучьи худого тела и не успела увидеть, как Сросшиеся Близнецы испражнились, не сходя с места. Животный братский акт не вызвал никакой реакции у собравшихся здесь, хотя Мыслитель обратил внимание, что у братьев на двоих одно ректальное отверстие. Он подумал, что это удобно, хотя сам не помнил, когда последний раз испражнялся. Мыслитель также не был до конца уверен, какие именно ощущения испытываешь во время акта дефекации.

Мыслитель покачал головой, наслаждаясь стуком камней в глазницах.

Сросшиеся Близнецы протянули руку и вытащили из глазницы Мыслителя один из камешков.

– Мы забираем эту мысль, – сказали они и швырнули камень вдаль.

Когда я пришел в себя, в моих ушах ещё стоял звук ударившегося о землю камня. Я толкнул Мансура, приводя его в чувство. Приоткрыв рот, с которого тонкой струйкой стекала слюна, он посмотрел на меня невидящим взором.

– Мансур, ты как?

– Пиздец, – ответил друг, рассеяно моргая и трясая головой, – от синьки так не вставляет. После этого клея плющит по-взрослому. Как он на тебя действует? Что ты чувствуешь?

– Правильнее будет сказать, что я вижу, – ответил я.

– Я, наоборот, ничего не вижу. Сплошная темнота. Я слышу чужие мысли.

– Чьи? – спросил я.

В этот раз мне так и не удалось узнать, чьи мысли слышит Мансур, так как наш разговор снова прервали. В подвал, нещадно топая, спустился Вася Муравкин. Вид у него был растрепанный и крайне возбужденный. Рубашка выпрыгнула из штанов, а картуз съехал набок. Пастух выглядел так, будто пробежал за коровьим стадом много километров.

– Пацаны, я всё понял! Сейчас и вы всё поймете... – Вася Муравкин осекся, увидев три каталки с накрытыми телами, – а двое других кто?

– Гражданин Галактики, – ответил я, и, немного помолчав, добавил, – и Медуза...

Вася Муравкин задрожал, а лицо его побелело. Он бросился к ближайшей каталке и сдернул брезент, под которым мирно лежал Король Рвана Жопа. Вася нервно накрыл труп и бросился к следующей каталке. На этот раз ему повезло, под покрывалом оказалась Медуза. Вася Муравкин взял её за руку и заплакал. Теперь я понимал, что сексуальный ритуал Медузы навсегда запал в душу нашего простого сельского пастуха. Вася Муравкин ронял редкие слезы на обнаженное женское тело и нежно гладил грязные волосы усопшей. Потом он наклонился над Медузой и начал что-то шептать ей на ухо. Я не смог разобрать сказанного, лишь слышал горестные всхлипы. Мансур, наблюдая за этой картиной, не упустил возможности бросить ещё несколько взглядов на грудь покойной. Когда он встретился со мной взглядом, то густо покраснел и отвернулся. У Мансура опять появилась эрекция. Немного успокоившись Вася Муравкин повернулся ко мне и спросил:

– Азат, ты знаешь их даты рождения?

– Да, я заполнял свидетельства о смерти, – ответил я, напрягая память, – все родились в августе.

– Сука, – выругался Вася Муравкин. Он сунул руку во внутренний карман куртки и принялся остервенело шариться в нем. На секунду мне показалось, что сейчас он разорвет свою одежду в клочья, – Вот, посмотри, – усилия Васи Муравкина увенчались успехом, и он вытащил из кармана кусок газеты, той самой, что вытащил наш участковый из туалета Короля Рваны Жопы. Я инстинктивно отстранился от вонючего обрывка газеты со странными стихами.

– Азат, не трогай, эта газета в говне Короля Рваны Жопы, – заботливо предостерег меня Мансур.

Вася Муравкин не стал настаивать и просто поднял листок перед моими глазами, показывая мне оборотную сторону.

– Читай, – скомандовал пастух.

– Здесь, гороскоп, – сказал я, – овен, телец, близнец... Ну и что?

– Смотри львов! – приказал Вася Муравкин. Я опустил глаза чуть ниже и прочел:

– *Львы. Сегодня звезды вас не поддерживают. Вера в себя полностью лишена смысла.*

Скорее всего, львы сегодня умрут.

Я посмотрел на Муравкина и покрутил пальцем у виска.

– Азат, посмотри, все мертвецы вокруг – львы! – сказал Вася Муравкин, словно фокусник обведя руками морг, – И это ещё не конец, будь уверен!

Какое-то время я пытался осознать услышанное и найти слабое звено в этой логической цепи. Но ничего не получалось. Выходило всё очень складно. Три человека, умершие в один день, каждый из которых родился под знаком льва. Даже само слово «лев» вызывало у меня неприятное чувство подсознательного понимания. Казалось, что стоит постараться, и я поймаю за хвост истину. Сосредоточиться мешало желание вновь вдохнуть аромат клея.

Я протянул Васе Муравкину блокнот Медузы.

– Муравкин, это блокнот Медузы, – сказал я, – весь текст на башкирском языке, но Мансур перевел нам. Здесь написано что-то о призвании всех царей зверей в страну гниющих братьев.

Вася Муравкин взял записи, пролистал несколько страниц, и, с любовью погладив блокнот, убрал его в карман.

– Не понимаю башкирского, но это должно принадлежать мне.

Мансур, словно очнувшись от долгих раздумий, подошел ко мне и внимательно посмотрел в мои глаза.

– Азат, я змея по гороскопу, – медленно проговорил он, – со мной всё же будет в порядке?

– Мансур, китайский гороскоп – это совершенно другое дело, – ответил за меня Вася Муравкин, – ты родился в начале июня, а значит ты близнец.

Мансур с видимым облегчением выдохнул воздух. Его взгляд утратил былую серьезность, а на лице заиграла нервная улыбка, только что спасшегося от аварии пешехода.

– Интересно, сколько у нас в селе львов? – спросил я.

– Это лучше спросить у Агафьи Петровны, – ответил Вася Муравкин.

Глава 4. Добрый сказочник

Наш удивительный фельдшер Агафья Петровна вспомнила порядка пятидесяти жителей Нижнего Басрака, родившихся под знаком Льва. Мы переписали пять наиболее знакомых нам имен и, таким образом, у нас руках оказался список людей, которые, следуя логике Васи Муравкина, должны отдать душу Аллаху в самое ближайшее время.

Попрощавшись с Агафьей Петровной, которая не проявила никакого любопытства по поводу нашего интереса к датам рождения сельчан, мы вышли из больницы. Нас встретил теплый летний денек, а после больничного полумрака наша компания шурилась на ярком солнышке словно банда молодых кротов.

Я повертел в руках расстрельный список жителей села. Все эти люди, если принимать на веру «теорию Льва», находились в смертельной опасности. На листке, вырванном из блокнота Медузы, Вася Муравкин своим корявым почерком вывел имена следующих басрачан: деда Игната, чахоточного тракториста Фимы, подёнщика с пиломармы по имени Ильдус, местной продавщицы Евдокии Андреевны и моей соседки Зухры, той самой алкоголички, во влагище которой побывал мой палец.

– Ну и что мы будем делать со всем этим? – спросил я Васю Муравкина.

– Давай навестим их, – ответил пастух.

Глаза Васи Муравкина горели азартом первооткрывателя. Наконец-то обычный пастух пересек грань скучнейшей обыденности, для того чтобы начать творить великие дела, к которым его готовила судьба. Пастух забрал у меня список потенциальных смертников и задумчиво повертел его в руках.

– Давай начнем с деда Игната, – сказал Вася Муравкин.

– Нет, – возразил Мансур, его глаза наполнились суеверным ужасом, – только не к нему!

– Твоя история тыквенной любви уже давно в прошлом, дед об этом и не вспомнит, – сказал я, пытаясь успокоить друга, – будь мужиком, в конце концов!

Мансуру не оставалось ничего, кроме как покориться судьбе.

– Надеюсь, он уже умер, – проворчал мой друг, – идемте, тут недалеко.

На этой оптимистичной ноте наше трио взяло курс на дом деда Игната, который находился на северной окраине села. Меня мало волновала история со львами, вернее сказать, я ещё не решил, как ней относиться. Мой разум занимало желание в очередной раз пыхнуть. Судя по всему, Мансур полностью разделял мои стремления, но присутствие Васи Муравкина мешало воплотить их в жизнь. Нам оставалось только бросать друг на друга стремительные, многозначительные взгляды. Удивительно, насколько стремительно токсикомания ворвалась в нашу жизнь. ещё вчера мы были увлекающимися самогоном юнцами, а уже сегодня давим клей в пакеты словно опытные слуги дьявола. В глубине души я понимал, что сегодняшней день необратимо изменил мою судьбу, и в дальнейшем я всегда буду делить свою жизнь на «до» и «после». На ум приходило старое крылатое выражение о том, что «кто-то ещё пороха не нюхал». Оно как нельзя лучше подходило моему жизненному этапу. Сегодня я понюхал порох. Сегодня я понюхал клей.

Мы шли по улицам Нижнего Басрака в задумчивой тишине. Пение птиц и шум сельской жизни разбавлял лишь наш топот. Резиновые калоши издают свой особенный и неповторимый звук, знакомый каждому деревенскому жителю с малых лет и преследующий его до конца жизни. Даже если сельчанин покинет деревню и поселится в большом городе, тротуары которого знают лишь стук каблуков и шарканье кроссовок, он будет слышать родной резиновый звук каждую ночь, перед погружением в беспокойный городской сон. Так будет биться его сердце.

Не представляю, о чём раздумывал Вася Муравкин и, тем более, Мансур, но мои мысли занимали резиновые калоши. Я вспомнил, что дед Игнат всегда помечал свою обувь. Однажды я застал его, когда он в полной сосредоточенности, словно впав в транс, краской-серебрянкой выводил на носках резинового изделия своё имя. Итогом кропотливой работы стала сомнительная пара калош: на правой красовалось мистическое «ИГ», а на левой жизнеутверждающее «НАТ». Дед Игнат с любовью оглядел результат своих трудов. Никакому башмачнику и в голову не придет обуться в мои калоши, прокомментировал старик, глядя на меня из-под тяжелых густых бровей. Объяснить мне, кто такой «башмачник», дед Игнат так и не удосужился.

Я с тяжелым сердцем шел к деду Игнату, в глубине души умоляя бога, чтоб он не забирал старого чудака в свои чертоги. Старик занимал почетное второе место среди долгожителей села. Старше деда Игната была только Агафья Петровна. Но сравнение их возраста не имело никакого смысла – разница между ними составляла почти пол века. В широком понимании наш фельдшер была уже давно за гранью этого старческого рейтинга.

Волею случая дед Игнат появлялся на страницах истории нашего села также часто, как и другие именитые и уважаемые басрачане. Он творил историю Нижнего Басрака, непосредственно или косвенно фигурируя в том, или ином важном событии. Напомню, дед Игнат оказался виновником появления таинственных кругов на полях, благодаря которым Гражданин Галактики обрел свой инопланетный имидж. Также, старческий кадык деда Игната стал главной причиной отсидки Короля Рваны Жопы. Именно игнатово горло стало целью хищных королевских клыков.

Отметился дед Игнат и в становлении противоречивой личности Медузы – его беглое объяснение сотворения жизни на земле с ног на голову перевернуло мир маленькой девочки много лет назад. Дело было во время празднования Сабантуя⁵, лет этак тридцать назад. На сельской пьянке, посвященной празднику плуга, старик произнес пространственный тост. Что он хотел сказать своей пламенной речью до сих пор не ясно, но его заплетающийся язык увел всех гостей праздника в глубокие дебри непонятной метафизики. Этот инцидент остался в истории села только благодаря тому, что наш мулла Асхат Хуснутдин устал слушать деда Игната и прервал проникновенную речь мощной затрещиной, за которой последовало масштабное побоище. Позже выяснилось, что речь произвела огромное впечатление на маленькую девочку по имени Аниса, которой в последствии было суждено стать Медузой. Со слов деда Игната, Медуза ещё несколько раз после его проникновенной тирады встречалась с ним, требуя дополнительных разъяснений.

Дед Игнат был излишне мнительным и суеверным человеком, но его религиозные познания сводились к древним бабкиным сказкам, редким нравоучениям муллы Асхата Хуснутдина и обрывкам проповедей отца Анатолия – настоятеля храма в Верхнем Басраке. Можете себе представить, какую сомнительную информацию выдал дед Игнат маленькой любопытной Медузе, которая всего лишь поинтересовалась, куда люди попадают после смерти. Так получилось, что зерна попали на благодатную почву, и сбивчивые объяснения деда Игната выросли в самодостаточную религию, к которой сам старик уже не имел никакого отношения.

Так или иначе, дед Игнат приложил руку к образованию самобытной мифологии, которая имеет место быть исключительно в Нижнем Басраке. Благодаря стариковскому воображению в нашем селе обрела популярность диковинная нечисть, о которой доселе никто никогда не слышал. Мамы пугали своих детишек ужасным Чердачником, женщины перед сном натирали перцем гребни петуху в своих курятниках, чтобы тот всю ночь защищал их от загадочного Куробоя, чтобы уберечь себя от надругательства похотливого Пузрана, молодые девушки перед прогулкой натирали себе зад польню, а предусмотрительные мужчины оставляли кружку кис-

⁵ Сабантуй – ежегодный народный праздник окончания весенних полевых работ у башкир и татар.

лого кумыса в погребе, дабы сохранить от алчного Жадобы драгоценные зимние запасы самогона.

Подобный мифологический бестиарий деда Игната пришелся по душе рядовым селянам, но в то же время подвергался жестокой критике со стороны представителей традиционных конфессий, а именно муллы Асхата Хуснутдина и отца Анатолия. Первый именовал старика нечестивым шайтаном, а второй обзывал нехристом и бесом. Подобные хулительные высказывания дед Игнат с достоинством игнорировал, так как сам искренне верил в свои стариковские байки.

– Азат, – прервал мой поток воспоминаний Вася Муравкин.

– А, – я посмотрел на солнце, возвращаясь из мира своих мыслей.

– У деда Игната есть дети или внуки?

Вася Муравкин достал из кармана мятую пачку папирос «Казбек» и протянул нам по сигарете.

– Насколько я знаю, нет, – ответил я, прикуривая папиросу. Дым едким пламенем ворвался в мои легкие, – у него была жена, Маруся вроде бы, но мама говорила, что много лет назад она умерла. Стала жертвой Пузрана.

Мансур поежился.

– Это всё байки деда Игната. Нет никакого Пузрана, Асхат абый⁶ так говорит, – сказал мой друг, пытаясь сохранить классическое взрослое выражение лица. Однако в его глазах был виден затаенный детский страх.

– Наверное, – я выпустил плотное облако дыма в чистый деревенский воздух, – но вся история известна со слов подруги жены Игната, которая якобы была последней, кто видел Марусю живой. Подруга, кстати, это ныне покойная мать моей соседки Зухры. Не помню её имени – хрен выговоришь. Теплым летним днем подружки пошли на речку Таналык стирать белье, а назад вернулась только подруга Маруси. Потрепанная плачущая женщина прибежала домой, пытаясь прикрыться разорванным в клочья сарафаном. Когда её немного успокоили, несчастная женщина рассказала любопытнейшую историю. День обещал быть самым обычным, две подружки занимались традиционными делами – полоскали белье и перемывали кости своим мужьям. Женщины заканчивали свою стирку и уже начинали обдумывать, что им готовить на обед своим благоверным, когда привычную рутину нарушил яростный плеск в реке. Присмотревшись, подружки увидели, что по направлению к ним плывет существо довольно внушительных размеров. Своими огромными руками оно гребло так яростно, что позади расходились заметные волны. Подруга Маруси даже сначала решила, что в речку случайно заплыл кит. Но когда «кит» приблизился к берегу, любопытным женщинам стало ясно, что пловец – все-таки человек. Когда он выбрался на берег, то оказался голым мужиком откровенно омерзительного вида. Мужчина был настолько жирным, что оставалось только дивиться тому, как ловко ему давалось плавание брасом. Первое что бросалось в глаза – огромное, блестящее пузо, прикрывавшее мужское хозяйство. Мужик потряс всем телом, словно дикий пес, сбрасывая с себя капли воды, после чего немного покатался по земле, видимо, с желанием обсохнуть. Подруга Маруси отметила, что именно в этот момент увидела его огромную обгаженную жопу. Закончив сушку жирный, урод вскочил на ноги и с вождением посмотрел на женщин. При этом, его живот приподнялся, благодаря красному хую, вставшему дубовой деревяшкой. Лицо его было безволосым, жирным и уродливым, это все, что удалось вытянуть из несчастной свидетельницы. Облизнув губы, голый толстяк бросился на подружку Маруси. Женщина была настолько шокирована, что пришла в себя только после того как толстые руки начали срывать с нее сарафан. Однако Маруся переменяла ход дела, схватив первое, что попало на глаза – веник из полыни, собранный женщиной для каких-то лечебных целей. В руках бес-

⁶ *Абый* – дядя (башк.)

страшной жены Игната лечебная трава превратилась в мощное оружие, которым она начала что есть мочи хлестать жирного охальника. Эффект превзошел все ожидания – толстый урод заверещал высоким поросычьим голосом и расчихался, разбрызгивая зеленые сопли в разные стороны, что позволило жертве вырваться и с плачем убежать в село, оставив свою подругу наедине с загадочным насильником.

Я посмотрел на папиросу, которая за время моего рассказа успела истлеть до основания. Швырнув окурок на землю, я откашлялся.

– И что дальше? – спросил Вася Муравкин, хотя, я уверен, что он не первый раз слышит эту историю, – уж больно складно ты рассказываешь, тебе бы сказки писать.

– Да, когда-нибудь я напишу книгу, про нас всех, – ответил я и продолжил рассказ, – Марусю так и не нашли, официально она до сих пор без вести пропавшая. Дед Игнат практически сразу побежал искать супругу, но всё что ему удалось обнаружить, это тазики со стиранным бельем и распотрошенный по всему берегу веник из полыни.

– Ну, а Пузран-то здесь причем? – нервно бросил Мансур, – Кто угодно мог выплыть из реки.

– Про него никто доселе и не слышал, – ответил я. – Вернувшись с поисков супруги дед Игнат всех уверил, что виновен во всем некий Пузран, про которого ему когда-то давно рассказывала бабка. Дескать этот охочий до молодых баб лиходей и раньше терроризировал деревню. На свет появился он в незапамятные времена, после того как одна гулящая девка сделала себе аборт при помощи щипцов для угля, а плод утопила в нашей речке. Нерождённый ребенок обрел новую жизнь в образе злобного монстра, который мстит всем женщинам слабым на передок. Поэтому, в опасности вся женская половина нашего села, так как все бабы – бляди, как говорится.

– Так почему он такой жирный? – спросил Вася Муравкин, закуривая новую папиросу.

– Река Таналык всегда была полна рыбой. Отожрался, наверное, – ответил Мансур, – меня больше всего интересует, почему он боится полыни? Моя мама до сих пор полынью натирается, когда к речке идет, так, на всякий случай.

– Перед абортom падшая женщина сделала себе вагинальную клизму с отваром из полыни, – сказал я, – это, в первую очередь, и убило ребенка.

– Я слышал историю, будто бы под описание Пузрана очень хорошо подходил тогдашний председатель Верхнебасраковского сельсовета, – сказал Вася Муравкин, – но он был очень дружен с нашим председателем, кстати говоря, отцом Варнавы Фомича. Благодаря такому большому благу жителям Нижнего Басрака заткнули рот фантастической версией о существовании Пузрана, в которую, на радость злодеям, слепо верил муж пострадавшей.

– Всё может быть, – я пожал плечами, – остается фактом то, что подруга Маруси после этого инцидента начала самозабвенно пить, пытаясь залить свою душевную травму, а потом передала страсть к самогону своей дочке Зухре.

Я пнул ногой пыльное донышко от разбитой бутылки. Кусок стекла со звоном прокатился по дорожной корке. Мансур проводил его взглядом и посмотрел на меня с издевательской усмешкой.

– Радоваться ты должен! – сказал мой завистливый друг. – Маловероятно, что в трезвом виде Зухра позволила бы тебе потрогать титьки и поковыряться в пирожке.

– Мансур, между прочим, прав, – прокомментировал Вася Муравкин.

Я оставил их сарказм без внимания, хотя мне было чем крыть.

– Больше всего меня в этой истории печалит тот факт, что никто в селе не помнит имени подруги Маруси, вырвавшейся из лап похотливого Пузрана, а ведь она чуть ли не самый главный персонаж драмы, – сказал пастух, – не сомневаюсь, что даже Зухра – её родная дочь – также не сможет дать ответ на вопрос, как звали её мать?

– Да потому что, хрен такое имя запомнишь, – буркнул Мансур.

Мы прошли мимо стайки детей, играющих с полиэтиленовым пакетом. Ребята подбрасывали мешочек в воздух и поочередно дули на него, не давая упасть на землю. Погода для такого развлечения подходила идеально – ни одно дуновение ветра не мешало легкому пакетику следовать велению маленьких детских ртов. Среди детворы весело хохотали квартет отпрысков четы Зубайдуллиных. Их одинаковые лица с пустыми глазами вселяли суеверный ужас. Братья, единственные из компании, ни на минуту не прекращали ковырять в носу. Игра, на мой взгляд, в самый раз подходила для интеллектуальных способностей маленьких Зубайдуллиных. Дети – наше будущее. Будущее родной Башкирии, которое необходимо беречь, возвращать и всячески лелеять. Словно прочитав мои мысли один из детей-идиотов споткнулся о корягу и комично растянулся на траве. «*Инаннен кутак!*»⁷, – истошно закричал мальчик и надрывно разрыдался под смех своих товарищей и братьев.

– Вы знали, что якобы у деда Игната был брат близнец? – спросил Вася Муравкин, глядя на стайку злорадствующих детишек.

Я покачал головой, хотя эта информация казалась мне знакомой.

– Не– а, – ответил Мансур, – он же всю жизнь один прожил.

– Сам старик об этом не говорил, хотя любил поболтать, – сказал пастух, – но моя прабабка знала бабку Игната, вроде как даже в каком-то родстве они состояли.

– Здесь все в родстве, – прокомментировал я, – это же Нижний Басрак.

– Ну да, – кивнул Вася Муравкин, проведя кончиком языка по редким усам, – в общем, прабабка рассказывала моей мамке, что у деда Игната был брат и родились они сросшимися.

Мансур присвистнул.

– Первый раз слышу. Сиамские близнецы? – спросил я.

– Вроде того...

– Где они соединялись?

– Вроде жопами, точно не помню, – пожал плечами Вася Муравкин, – мать мне рассказывала, когда я был совсем маленьким.

Я почувствовал, как ускорилось моё сердцебиение. Сросшиеся Близнецы... Я потряс головой, пытаюсь избавиться от дрожи и одолеть чувство дежавю.

– И что? – спросил я.

– Ну, мать умерла при родах, – продолжил пастух, – Агафья Петровна, по настоянию папаши Игната, попыталась разделить близнецов. Один не выжил.

– Вранье это все, – сказал Мансур, – такое только в сказках бывает. И прабабка твоя была сумасшедшей. Дай папироску.

– По крайней мере, все точно знают, что мать Игната отдала богу душу, рожая сына, – ответил Вася Муравкин, доставая из кармана пачку папирос, – потому что как только у нас в селе какая баба на сносях объявляется, так все плюют через плечо, «чтоб не как у Игната».

– Спросим у Агафьи Петровны при случае, – сказал я, – мы пришли.

Мансур небрежно зажал папиросу между зубов и чиркнул спичкой. Выпустив клуб дыма, он смачно сплюнул на землю. Мой друг пытел как заправский курильщик, но что-то в его движениях выдавало неопытного подростка. Мансур поймал на себе мой взгляд и вскинул брови. Всем своим видом он пытался показать, что посещение деда Игната – свидетеля главного позора всей мансуровской жизни мало его волнует. Но по красным ушам и бегающему взгляду было совершенно ясно, насколько глубоки переживания Мансура. С того момента, как дед Игнат поймал моего друга за еблей с тыквой, прошло немало времени. Два года Мансур успешно избегал общества старика, а в нашем маленьком селе скрываться от кого-либо – занятие крайне непростое. Отчасти в этой позорной ситуации был виновен я. Мансур преисполнился чувством великой зависти, когда я рассказал ему, о своем пальце во влагалище соседки

⁷ *Инаннен кутак* – мамкин хуй (башк.)

Зухры. Не пытаясь скрыть своей эрекции он спросил, каково это, все-таки? Я ответил первое, что пришло мне в голову. Будто засунуть палец в переспелую дыню, сказал я, а Мансур мечтательно закатил горящие похотью глаза. Кто же знал, что мой похотливый друг этой же ночью захочет испытать заветные ощущения. Правда, ему пришлось довольствоваться тыквой, так как в нашем селе дыни никто не растил.

Слух о престранном половом акте прошел по всему селу. Я думаю, только врожденная глупость Мансура помогла ему справиться с насмешками, которые длились более года. Далее сельчане переключились на следующий сексуальный опыт моего друга. Мансур, не теряя надежды познать женскую плоть, решил воплотить проверенный на практике план с Зухрой. Однако и здесь ему не повезло – Мансур сэкономил на самогоне. Потенциальная сексуальная партнерша была недостаточно пьяна, когда юный ловелас попытался стянуть с женщины рейтузы. Зухра, удивленная столь неджентльменским поступком юного собутыльника, вывалила на голову деревенского романтика тазик с маринованными огурцами и подняла сумасшедший крик. Напуганный неожиданным поворотом событий Мансур выбежал из старого домика Зухры, на ходу натягивая штаны. Я наблюдал за этим действием с крыльца своего дома со злорадной улыбкой на лице.

Мансур, словно читая мои мысли, прервал мои воспоминания.

– Ну что, идем? – спросил он, недовольно хмурясь.

Мы стояли перед кривыми воротами, за которыми находился разваливающийся дом дореволюционной постройки. Чтобы распахнуть просевшие ворота, потребовалось приложить значительные совместные усилия.

– Как он вообще выходит из дома? – задал риторический вопрос Вася Муравкин, когда ворота с протяжным скрипом распахнулись.

– Вот как, – ответил Мансур и указал рукой на огромную дыру в заборе, которую образовывали несколько выломанных досок. К отверстию вела основательно утоптанная дорожка.

– Если так хорошо знаешь эту местность, мог бы указать на проход до того, как мы открыли ворота, – проворчал пастух.

Мы зашли во двор, который больше напоминал заросшую сорняком свалку. Центральное место в композиции занимал утопающий в зарослях травы, ржавый остов микроавтобуса «РАФ». В настоящее время он играл роль открытого навеса, защищающего от дождя различного рода хлам. При определенном старании в кабине трактора можно было разглядеть старую прялку, огромные мотки спутанных проводов и три бочкообразные стиральные машины. По всему двору были разбросаны обломки кирпичей, битый шифер и ржавые детали от трактора. В этой безумной гармонии природы и мёртвого индустриализма безмятежно порхали бабочки-капустницы.

Дом находился в ещё более плачевном состоянии, чем двор. Невооруженным взглядом можно было заметить прогнившие лет двадцать назад нижние венцы. Доски, удерживающие завалинку, давно отвалились, позволив земле рассыпаться в разные стороны. Обналичники, украшавшие когда-то окна, держались исключительно на распахнутых ставнях. Когда-то дом был выкрашен в ярко зеленый цвет, теперь же былой нарядный окрас угадывался лишь у оснований карнизов. Венчала эту халупу ветхая крыша из потрескавшегося шифера. Единственное, что выглядело относительно новым в этом жилище – это редкие заплатки рубероида, которые заменяли стекольное плотно в некоторых окнах.

– Дед Игнат! – заорал Вася Муравкин. – К тебе гости!

Я вздрогнул. Ответом пастуха была лишь тишина.

– Есть кто дома? – предпринял ещё одну попытку Василий.

– Зайдем, – сказал я и направился к покосившейся двери.

Внутри дом оказался не более презентабельным, чем снаружи. В воздухе витал аромат старых тряпок и свежей браги. Вся веранда была завалена сухими выскобленными тыквами,

которым дед Игнат придавал вид разнообразных зловещих физиономий. Жителям села всегда была известна тыквенная страсть старика, но я не подозревал до каких великих масштабов она распространяется. Со всех сторон на меня пустыми глазницами смотрели гротескные тыквенные лица. Стоит отметить, дед Игнат однозначно обладал талантом резчика-скульптора. Ему удалось придать некой неприятной гипертрофированной реалистичности всем своим творениям – все тыквы обладали развитой мимикой. Сардонический смех, безмолвный ужас, слепая ярость. Было искренне жаль, что в России и в нашем селе в частности, праздник кануна Дня всех святых не обладал широкой популярностью среди общественности. В противном случае дед Игнат имел бы все возможности стать известным на всю страну тыквенным скульптором.

Я покосился на Мансура, который намеренно не рассматривал экспонаты этого тыквенного музея. Пройдя по захлавленной прихожей, мы прошли в жилую комнату, которая, как оказалось, стала последним прибежищем деда Игната.

В центре комнаты стоял облупившийся стол, за которым сидел, без сомнения, мертвый старик. Он уронил голову в тарелку со своим последним супом. В правой руке, мирно лежащей на столе, дед Игнат всё ещё сжимал краюху хлеба. Левой рукой старик держал деревянную ложку. Возможно, череда событий сегодняшнего дня сильно изменила меня – я не испытывал горечи, грусти или страха, глядя на сидевший передо мной труп. Просто ещё один мертвый лев.

– Пиздец, – проговорил Мансур, – как есть помер.

Мой друг не испытывал должного облегчения, несмотря на то, что ему удалось избежать ожидаемого неприятного разговора. Более того, Мансур выглядел очень подавленным.

– Азат, теперь веришь мне? – спросил Вася Муравкин, повернувшись. – Это уже четвертый. Сегодня день, когда умирают львы.

Пастух не мог скрыть ликования в своем голосе.

– Ну если и так, что ты предлагаешь? – спросил я.

– Должен быть ответ, – ответил Василий, осматриваясь по сторонам, – нужно только внимательно поискать.

– Ты иди и поищи, – сказал Мансур, подмигивая мне, – а мы посидим.

Мой друг указал рукой на старую трухлявую тахту, с торчащими из-под рваной обивки пружинами. Вася Муравкин внимательно посмотрел сначала на меня, потом на Мансура – в его взгляде сквозил интерес и подозрение. После секундного замешательства пастух решил никак не комментировать реплику товарища. Немного потоптавшись на месте, он начал осмотр дома. Мансур сел на диван, который жалобно заскрипел под его весом. Над диваном висели старые часы с кукушкой. Я последовал примеру своего друга и грузно уселся на старые пружины. Диван, будто расстроенный таким неуважительным отношением, выпустил облако старой пыли.

Мансур достал два мятых пакета. Шуршащий звук, который они издавали, будоражил воображение и заставлял тело в предвкушении покрываться мурашками. Дно моего полиэтиленового мешка частично склеилась, храня в себе память прошлых капель клея. Я расправил пакет насколько это было возможно и подставил его Мансуру. Когда в полиэтилен упала длинная капля клея, готов поклясться, что вес пакета увеличился раз в триста. Именно столько весит кайф, подумал я.

Я услышал шум в соседней комнате. Это Вася Муравкин проводит свой обыск в рамках расследования загадочных смертей львов. Мне казалось, что пастух сейчас находится где-то в параллельном мире, за толстой, но кристально прозрачной мембраной. Я приложил пакет к лицу, запрокинул голову и стал дышать, стараясь попадать в ритм тиканья огромных деревянных часов, висевших непосредственно надо мной. Один... Два... Шесть... Десять... Тридцать... Сорок один. Большая и маленькая стрелки слились в одну линию, указывая на зенит. Часы пробили одиннадцать, и из открывшейся маленькой дверцы вместо кукушки вывалилась...

У Мыслителя отвалилась нижняя челюсть. Теперь его длинный сухой язык свисал вдоль шеи, закрывая острый кадык. Серый Владыка не обратил на это никакого внимания. Он молча смотрел на приближающуюся с линии горизонта процессию. Мыслитель держал в руках свою челюсть, пальцами исследуя отверстия, из которых когда-то торчали зубы. Белая кость в его беспокойных руках обрела блеск полированного бивня мамонта.

Старая Девочка смотрела на челюсть Мыслителя и ждала момента, чтобы незаметно завладеть ею. Девочке казалось, что это поможет ей понять. А что необходимо понять, ещё предстоит узнать. Возможно, Старая Девочка попросит Сросшихся Близнецов помочь сломать пополам челюсть Мыслителя. Сросшиеся Близнецы, несомненно, выполнят просьбу Старой Девочки, потому что каждый из них хотел свой кусочек Умной Кости. А сейчас они молча смотрели на серые облака, плывущие над серой землей. Некоторые из них напоминали львов. Так решил Головаст. Он лежал на земле, положив голову на камень, и смотрел в небо.

– Это вам только кажется, что это львы, – сказал Пыльник. Когда он говорил, из его рта, словно пар, вырывались облачка пыли. Эта реплика, как и любая другая, произнесенная в этом месте, осталась без внимания. О ней напоминал лишь тонкий слой пыли, осевший на серой земле. Пыльник поправил рваный плащ и сел на свою шарманку. Нарушив тишину легкой нотой, музыкальный инструмент снова замолчал. Пыльник не знал две вещи, кто он такой, и для чего он носит с собой давно неработающую шарманку. Он знал только одно: ручку этого музыкального аппарата ни в коем случае нельзя крутить. Старая Девочка как-то сказала Пыльнику, что рано или поздно, эта шарманка сыграет свою последнюю мелодию. Бродячий музыкант смутно вспоминал, что это был первый их разговор. А когда это было, никто не знал. Кроме Серого Владыки...

– Эй, вы чего, клея нанюхались? – крик Васи Муравкин вернул меня в реальность.

Голова слегка кружилась. Я потряс Мансура за плечо, вытаскивая его из мира волшебных грез. Я посмотрел на Васю Муравкина, который бесстрастно смотрел на наш дуэт токсикоманов. Мне было немного стыдно перед простоватым пастухом, я чувствовал, что кончики моих ушей начали гореть.

– Да, а что? – спросил я, немного с вызовом.

– Ничего, – примирительно ответил Вася Муравкин, – я тоже пробовал. Бензин только нюхал.

– И как тебе? – спросил Мансур.

– Ну, нормально...

– Нашел что-нибудь в доме? – поинтересовался я.

– Нет, – быстро ответил пастух и нервно отвел от меня взгляд, – пойдём дальше. Кто там у нас по списку? Фима, тракторист. Наведаемся к нему в гости. Да, и неплохо было бы сообщить Филёсу Филаретовичу, что здесь мертвый дед Игнат.

– А ну, говори, что нашел! – настоял я, – Ты не умеешь врать.

– Да ничего, – сказал Вася Муравкин, потупившись, – триста рублей в шкафу лежали... Деду Игнату они уже точно не нужны. А я два блока папирос куплю себе.

– Делись, сволочь, – сказал Мансур, недобрым взглядом окинув пастуха.

Муравкин тяжело вздохнул и выдал нам по сто рублей.

Мы встали с дивана. Я с предвкушением ожидал того момента, когда мы наконец покинем эту стариковскую обитель со старым хламом и коллекцией пугающих тыкв. Хотелось мне, наконец, остаться наедине с Мансуром. По моему мнению, уже давно настало время для обсуждения наших наркотических опытов. Мне не терпелось узнать, что слышит Мансур, вдыхая едкие пары суперкрепкого клея. Сам я мог сказать одно: с каждой новой процедурой наркотическое путешествие оставляло в моей памяти более глубокий след. Я был уверен, что свой последний трип я смогу практически полностью восстановить в воспоминаниях, при опреде-

ленной концентрации. Более того, мне казалось, что если сильно постараться, то я смогу вспомнить и остальные галлюцинации сегодняшнего дня.

Я уже перешагивал порог стариковской комнаты, когда Мансур резко остановился и посмотрел на деда Игната, усиленно о чем-то раздумывая. Лицо Мансура всегда оставалось зеркалом его души. По моему другу всегда было видно, когда он пытается самостоятельно прийти к какому-либо выводу. Для Мансура это крайне сложная задача, поэтому на его лице застывает маска абсолютной сосредоточенности и душевных мук. К слову сказать, с таким же выражением на физиономии он опорожняет свой кишечник. Поверьте, я знаю, о чём говорю, так как однажды, к своему сожалению, стал свидетелем акта дефекации своего друга.

Я переглянулся с Васей Муравкиным. Пастух недоуменно пожал плечами. Я попытался подтолкнуть друга к выходу, но он только отмахнулся от меня. Мансур завершил свои раздумья и его глаза загорелись огнем озарения и понимания.

– Сейчас, – бодро сказал Мансур, и уверенно зашагал к мирно сидящему деду Игнату.

Что случилось дальше, заставило меня усомниться в реальности происходящего. Наклонившись к покойнику Мансур хорошенько дернул его за воротник старого пиджака. Хлипкое равновесие мертвого едока нарушилось, и дед Игнат с грохотом повалился на пол, увлекая за собой тарелку с супом. Оловянная посуда со звоном покатила по полу, разбрызгивая капли супа по пыльным доскам. Мансур присел на корточки, перевернул покойника лицом на пол и принялся с остервенением сдирать с бедолаги штаны. Мне показалось, что Мансур сошел с ума, получив передозировку токсичных испарений. Старая материя не выдержала и с треском разошлась по швам, открывая нашему взору огромные желтоватые стариковские трусы, покрытые застарелыми пятнами дерьма. После секундного раздумья Мансур уверенно сорвал с трупа стариковское исподние.

– Ты что творишь, ебнутый? – крикнул Вася Муравкин. Его глаза напоминали две огромных тарелки. ещё бы, даже мне подобное поведение друга казалось неприемлемым.

– Хочу посмотреть на его жопу, – побряхтывая, ответил Мансур.

Наконец мой друг одержал уверенную победу в неравной борьбе со стариковским портками, полностью заголив стариковский зад. Мансур с ликованием победителя поднялся над трупом и упер руки в бока.

– Смотрите, – сказал Мансур, указывая пальцем на старые морщинистые ягодицы, которые с немым укором белели в комнатном полумраке.

Мы нагнулись над покойником, и всё сразу поняли. На голой стариковской жопе отчетливо виднелись два старых больших шрама. Каждый из них начинался от ягодицы, а заканчивался где-то на пояснице. Я посмотрел на Васю Муравкина, он потрясенно кивнул. Значит это правда. Дед Игнат действительно был одним из сиамских близнецов и когда-то давно у него был брат, растущий из его жопы. Я однажды читал, что сращивание близнецов подобным уничижительным образом называется илиопагией.

Я пытался осознать полученную информацию и сопоставить её с обрывками воспоминаний, оставшихся после токсикологического отупения. Немного поломав над этим голову, я решил оставить размышления на эту тему на более позднее время. На данный момент шквал получаемой информации мешал мне сосредоточиться.

Когда мы вышли из дома никому и в голову не пришло, что дед Игнат, будучи живым, навряд ли бы обрадовался узнав, что после смерти его бросят на грязном полу с голой задницей, залитой супом. Но мы об этом не думали, потому что впереди нас ждало множество мертвых львов.

Я посмотрел на свои старые наручные часы «Электроника». Бледные цифры показывали всего лишь половину двенадцатого, а у меня было впечатление, что я живу в этом дне уже больше недели.

Глава 5. Бог из машины

Согласно «списку смертников» следующей точкой нашего маршрута значилась обитель бравого тракториста с ласковым именем Фима. Этот достойный житель Нижнего Басрака заслужил всеобщее уважение благодаря тому, что единолично владел трактором Т-28 1956-го года выпуска. Я не могу дать логического объяснения тому факту, что этот сельскохозяйственный агрегат всё ещё находился на ходу, так как выглядел он как груда металлолома на кривых колесах. При пристальном осмотре этого безобразия даже нельзя было понять, какого цвета оно было на выходе с завода. Стоит отметить, что несмотря на свой непрезентабельный вид, ржавый трактор навсегда поселился в сердцах жителей Нижнего Басрака. Наравне с выдающимися и известными сельчанами, бездушная машина оставила глубокий след в истории нашего поселения.

Ржавеющий Т-28 достался трактористу в наследство от ныне покойного отца. Во время «перестройки» предприимчивому Фиминому папаше удалось экспроприировать трактор у переживающего не самые лучшие времена Басракского колхоза. И теперь, за символическую плату в две бутылки водки, услужливый Фима всегда был готов вспахать огород любому односельчанину. Но столь дешевые тарифы не спасли тракториста от банальной человеческой зависти. Каждый житель села при любом удобном случае напоминал о незаконном присвоении трактора, но всякое обличительное высказывание сопровождалось обиженным взглядом, который как бы говорил: «Только я достоин обладания этой техникой! Почему мой отец первым не додумался украсть трактор?». Поэтому туберкулез, которым страдал несчастный Фима, не вызывал ни у кого должного сострадания. Все только и ждали, когда тракторист зачехнет окончательно, чтобы без шума и пыли угнать желанный трактор. Благодаря всеобщему чувству несправедливости, старая машина стала химерой для подавляющего большинства басрачан.

Старый трактор оставался не только стабильным источником дохода для своего владельца, но и являлся предметом определенной гордости сельчан. Древняя развалюха на несколько минут появилась на экранах телевизоров всей республики. Три года назад в Нижний Басрак приезжала съемочная группа передачи «Сельская жизнь», транслируемой на канале «Башкирское спутниковое телевидение». Журналисты готовили репортаж о разрухе в агропромышленном комплексе, повсеместно творившейся на постсоветском пространстве. Самой удачной иллюстрацией сельскохозяйственного упадка стал Фимин трактор, который заслуженно приняли за бесхозный хлам.

Оператор съемочной группы обладал своеобразным чувством юмора и тягой к озорству. Выполнив задание редакции, он снял на фоне трактора несколько порнографических роликов с самим собой в главной роли и с участием Оксанки – девки легкого поведения из нашего села. Начинающей актрисе полагалось пятьсот рублей в качестве вознаграждения. За эти, по меркам села, огромные деньги, Оксана показала бесстрастному объективу камеры все аспекты простой деревенской ебли. В свою очередь, охочий до молодых баб работник телевидения открыл своей партнерше различные виды нетрадиционного секса. Подруги Оксанки густо краснели, слушая рассказы односельчанки о прелестях анального, орального секса, и загадочного массажа простаты с помощью самого крупного огурца.

Для усиления антуража, оператор раздобыл где-то банку с красной краской и написал на старых дверцах трактора непонятную для жителей села надпись – «USS Enterprise. NCC-1701». Лишь через несколько лет, совершенно случайно, я узнал, что это просто ироничная отсылка к старому фантастическому сериалу⁸. Именно так назывался навороченный

⁸ Звездный путь (США, 1966-1969 г., авт. Джим Родденберри)

космический корабль, являющийся основным местом действия космической мыльной оперы. Сам хозяин трактора отнесся с безразличием к тому, что его техника попала сразу в два документальных фильма, а на надпись на боку машины даже не обратил внимания. Уже на следующий день трактор стал использоваться в своем традиционном назначении и единственным доказательством его минутной славы, не считая клякс столичной спермы на старых покрышках, осталась космическая надпись на ржавом кузове.

Такое безразличие к состоянию и внешнему виду своей ненаглядной техники выходило за рамки моего понимания, учитывая особый статус трактора в глазах чахоточного Фимы. Кроме того, что старый Т-28 служил кормильцем и поильцем своему хозяину, он ещё и являлся своеобразным языческим идолом и предметом поклонения для чахоточного тракториста.

За всё время владения сельхозтехникой Фима даже не удосужился помыть трактор, оставляя эту работу исключительно дождю. Тракторист никогда не ремонтировал, не красил и не обслуживал свой агрегат, но несмотря на это, трактор всегда работал как часы. Если верить Фиме, то секрет такой бесперебойной службы предельно прост – чтобы трактор раз от раза заводился как новенький, необходимо два раза в год окроплять его свиной кровью. Делать это необходимо в дни весеннего и осеннего равноденствия.

В этом году я и Мансур впервые стали свидетелями таинства очередного обряда, посвященного старому трактору. В компании из пятнадцати зевак мы наблюдали за сакральным действием, повиснув на старом заборе, отделяющим участок тракториста от сельской улицы. Чахоточный Фима, в силу своей абсолютной апатии и полного безразличия к окружающей действительности, не был против любопытных зрителей, которых год от года собиралось всё больше и больше. Несмотря на то, что я и мой друг находились в изрядном подпитии, зрелище, увиденное мной, прочно закрепилось в моей памяти.

Не смотря на мартовский вечерний морозец, свой традиционный ритуал тракторист проводил будучи облаченным лишь в одни старые трусы. Обнаженное тело Фимы окрасилось в красный цвет в лучах заходящего солнца, а прохладный ветер развил его нестриженные волосы. Не обращая внимания на визг связанного поросенка, лежащего во дворе, тракторист обошел трактор и придирчиво оглядел его со всех сторон. Что конкретно он инспектировал оставалось для всех загадкой. Удовлетворенно кивнув Фима, как будто впервые заметил лежащего рядом поросенка. Присев на корточки, деревенский тракторист ласково потрепал молодого хряка за ухом. Тяжело вздохнув Фима ухватился за веревки и поднял поросенка. Я видел каких это трудов стоило нашему трактористу. Он покраснел, засопел, а вены на его руках и шее вздулись как тугие канаты. С трудом переставляя дрожащие ноги Фима понес поросенка к трактору и попытался взвалить свиную тушу на капот машины.

Первая попытка обернулась полным фиаско – поросенок дернулся, и, перекатившись на капоте, с диким визгом упал с другой стороны трактора. Фиму это совершенно не расстроило. Пытаясь сохранить будничное выражение на лице, тракторист снова поднял поросенка. Серьезность момента нарушил лишь подозрительным звук, похожий на трель флатуленции. С пятой попытки Фиме все-таки удалось водрузить жертву на механический алтарь. К этому моменту устали все действующие лица безумной пьесы: зрители, которым явно наскучило смотреть на постоянно падающую свинью, тракторист, блестящий от пота и с хрипом выдыхающий облака пара, и, конечно же, сама жертва, которая уже сама начала мечтать о скорой смерти. Привязав поросенка к капоту Фима вытащил из-под трактора дубовую палку с привязанным к ней ржавым лемехом. Эта ненадежная конструкция, как я понял, играла роль ритуального копья. Увидев орудие в руках тракториста, зрители заметно оживились, кто-то даже одобрительно свистнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.